

100

ВЕЛИКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ГЕРОЕВ

Виктор Николаевич Еремин
100 великих
литературных героев
Серия «100 великих (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=326082
100 великих литературных героев: Вече; Москва; 2009
ISBN 978-5-9533-2223-2, 978-5-4444-1574-0

Аннотация

Славный Гильгамеш и волшебница Медея, благородный Айвенго и двуликий Дориан Грей, легкомысленная Манон Леско и честолюбивый Жюльен Сорель, герой-защитник Тарас Бульба и «неопределенный» Чичиков, мудрый Сантьяго и славный солдат Василий Теркин... Литературные герои являются в наш мир, чтобы навечно поселиться в нем, творить и активно влиять на наши умы. Автор книги В.Н. Ерёмин рассуждает об основных идеях, которые принес в наш мир тот или иной литературный герой, как развивался его образ в общественном сознании и что он представляет собой в наши дни. Автор имеет свой, оригинальный взгляд на обсуждаемую тему, часто противоположный мнению, принятому в традиционном литературоведении.

Содержание

От автора	4
Литература Древнего мира	10
Гильгамеш	10
Медея	17
Одиссей	25
Тримальхион	28
Антигона	35
Филемон и Бавкида	44
Литература народов Азии	50
Шахерезада	50
Ходжа Насреддин	56
Герои американской литературы	62
Том Сойер и Гекльберри Финн	62
Мартин Иден	72
Сантьяго	80
Холден Колфилд	85
Тарзан	93
Конан	98
Лолита	105
Конец ознакомительного фрагмента.	106

В.Н. Ерёмин

100 великих

литературных героев

Трем сестрам – Ольге, Тамаре и Лидии – и дяде Ване посвящается эта книга

От автора

*Истина никогда не побеждает.
Просто умирают ее противники.*

Макс Планк

*И все доступно уж, эхма,
Теперь для нашего ума!*

Поэт Цветик

Однажды, когда ночь покрыла небеса невидимую своею епанчою, знаменитый французский философ Декарт, у ступенек домашней лестницы своей сидевший и на мрачный горизонт с превеликим вниманием смотрящий, – некий прохожий подступил к нему с вопросом:

– Скажи, мудрец, сколько звезд на сем небе?

– Мерзавец! – отвечивал сей, – никто необъятного обнять не может!

Сии, с превеликим огнем произнесенные, слова

Этой книге я предпосылаю сразу три эпиграфа.

Первый о том, что далеко не все идеи, в ней высказанные, приемлемы для современного читателя. Время нас рассудит.

Второй о том, как самонадеянны мы – люди – в своей уверенности, что нам понятна жизнь наша, ее истоки, ее пути, ее свершения. Все не так, и все столь запутано, что смирился со своим неведением и не станем претендовать на абсолютную истину.

Третий отвечает на неизбежный к такой книге вопрос: почему в ней оказались именно эти литературные герои, а не иные, более близкие и интересные читателю? К XXI в. человечество накопило такое множество художественных произведений, в них живет такое множество героев, что любой выбор из их числа будет необъективным. Поэтому ответ у меня один: так я решил в интересах концепции этой книги, ведь «никто необъятного объять не может»!

Структура моего сочинения вполне ясна: я ставил перед собой целью показать читателю, какой народ какого прославленного в нашем народе литературного героя дал человечеству. Внутри каждого раздела, если статей в нем несколько, они выстроены в хронологической последовательности, чтобы было ясно, кто из героев появился раньше и какое влияние мог оказать на более поздние персонажи.

Структура каждой статьи более понятна тем, для кого ли-

тература является профессией и кто связан с ней непосредственно, кто понимает и принимает мистический смысл подлинного художественного творчества. Я позволил себе предположить, что писатель является только посредником между людским обществом и теми неизвестными нам сферами, откуда являются в наш мир литературные герои, чтобы навечно поселиться в нем, жить в нем, творить и активно влиять на наши умы. Приходят они неслучайно, а тогда, когда на повестку общественной жизни особо остро выходят именно те проблемы, понимание которых и разъяснение которых эти герои в себе несут и, обосновавшись в мире людей, развиваются во времени.

Исходя из этой концепции, структура большинства статей следующая. В начале я постарался дать настрой на главную тему рассуждений в статье, далее следует биография писателя до времени создания им обсуждаемого произведения (это необходимо, чтобы попытаться понять, почему именно данный писатель оказался автором данного литературного героя), далее следует краткая история написания произведения и рассуждения об основных философских идеях, которые принес с собой в наш мир литературный герой, как он рос и развивался среди людей, как влиял на них и что представляет собой в наши дни.

Примерно десять статей структурно отличаются от остальных девяти. В этих статьях мною даны общие философские установки и предлагается набросок космогониче-

ской картины мировой литературы – духовной литературы, поэзии и художественной литературы. Я не стал выделять эти статьи из общей массы, поскольку данная книга требует полного последовательного прочтения: выборочное чтение лишь собьет читателя с толку, и он получит искаженное представление о том, что хотел сказать автор.

Подлинных писателей в мире немного, и каждый из них не сочинительствовал от ума, но был выбран своими героями в иных сферах как посредник, с помощью которого они пришли в людской мир. Это, как правило, литература Великой Философии.

Гораздо больше на свете беллетристов и рифмоплетов, пишущих малую литературу. Они творят массу от ума, зачастую талантливый, отчего у него тоже есть свои литературные герои. Их самая яркая черта – шаблонность и философская поверхностность. Им я тоже обязан был уделить внимание в этой книге.

Ну и, наконец, есть еще безмерный океан графоманов – людей, с иными сферами не связанных, мнящих себя писателями, но на самом деле всего лишь сочинительствующих, то бишь высасывающих тонно-километры писанины из собственного ничтожества. Подобные пустышки, бесспорно, могут привлечь внимание себе подобных, но в этой книге о них упоминаться не будет.

Помимо указанных в содержании литературных героев в книге рассказывается еще об одной героине, которая в

обязательном порядке присутствует в каждом материале, чуть ли не на каждой странице. Это мифологическая Кассандра, злосчастливая дочь Приама и Гекубы, великая пророчица, предсказаниям которой (по воле Аполлона) никто никогда не верил. Такова есть сама Великая художественная литература, которая уже давным-давно рассказала человечеству его судьбу, показала пути избавления от грядущих напастей, но осталась не услышанной, поскольку слух людской затмевают сладкоголосые песнопения соблазна. Бесплезность и безнадежность – другое имя Кассандре.

Напомню мысль Виссариона Григорьевича Белинского, высказанную им в письме к В.И. Боткину в начале декабря 1847 г.: «С литературой знакомятся и знакомят не через обыкновенных талантов, а через гениев, как истинных ее представителей».¹ Не должно забывать, что большинство литературных героев, о которых здесь рассказано, и есть порождения гениев и сами есть гении – своего времени, типа характера, каких-либо важнейших жизненных черт и свойств человеческих. Они не рядовые, а выдающиеся из ряда, а потому и интересны читателю.

В заключение хочу выразить искреннюю благодарность главному редактору издательства «Вече» С.Н. Дмитриеву, который предложил мне тему данной книги и потом терпеливо ждал ее в течение долгих четырех лет, невзирая на то,

---

¹ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. в 13-ти томах. Т. 12. Письма 1841–1848 гг. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956.

что ему неоднократно предлагали свои скорые услуги другие авторы.

Неизмеримо благодарен я всем, кто принял участие в подготовке данного издания, прежде всего редактору книги Валентине Ластовкиной, а также Валерию Алешкову, Александру Варакину, Александре Васильевой, Татьяне Даниловой, Лилии Ильченко, Виктории и Геннадию Лариным, Виорэлю Ломову, Сергею Луговскому, Татьяне Подгурской, Павлу Рудневу, Александру Старостину, Владимиру Теплякову, Анатолию Тотрову, Александру Трофимову и многим-многим другим.

Особо хочу поблагодарить Н.Л. Мацуеву и О.В. Дубовицкую, которые оказали мне неоценимую помощь в самый сложный период работы над книгой.

Литература Древнего мира

Гильгамеш

С определенной долей условности Гильгамеша можно назвать первым в истории литературным героем. Любопытно, что в нем нашли отражение наиболее часто повторяемые в веках черты популярнейших образов, рожденных человеческой фантазией. В сказаниях о Гильгамеше появились и особенно распространенные литературные типажи, с которыми мы в тех или иных вариациях встречаемся во множестве произведений всех времен и народов. Прежде всего, это верный друг главного героя, падшая женщина-соблазнительница, благородная самоотверженная мать.

Известны пять шумерских сказаний о Гильгамеше: «Гильгамеш и гора бессмертных», «Смерть Гильгамеша» (другое название «Гильгамеш в подземном мире»), «Гильгамеш и небесный бык», «Гильгамеш, Энкиду и подземный мир» и «Гильгамеш и Агга». Согласно традиции, эпос был записан со слов урукского заклинателя Синликеуннинни.

Открытие табличек, на которых были начертаны тексты, произошло в XIX в. В 1839 г. молодой английский дипломат Остин Генри Лейард заинтересовался курганами в Месопотамии. Под его руководством были раскопаны прославленные древние города Ниневия и Нимрод. В Ниневии был обнаружен дворец VII в. до н. э. с библиотекой царя Ашшурбанипала (около 20 тыс. глиняных табличек). Та часть библиотеки, в которой находились таблички с эпосом о Гильгамеше, была обнаружена в 1853 г. сотрудником Лейарда Хормуздом Рассамом. Наука археология в те годы еще только

зарождалась. Обращение с найденными реликтами зачастую было варварское. Так случилось и с библиотекой Ашшурбанипала. Груды табличек лопатами засыпали в ящики и в таком виде переправляли в Британский музей, где они и валялись не прочитанными не одно десятилетие.

Библиотека Ашшурбанипала была оценена только после расшифровки клинописи, осуществленной преимущественно стараниями английского дипломата и разведчика Роулинсона.

Потребовалось почти двадцать лет, чтобы были дешифрованы таблички с эпосом о Гильгамеше. В 1872 г. Джордж Смит, ассистент Роулинсона, объявил на собрании Общества Библейской археологии, что обнаружил среди ассирийских табличек, находящихся в Британском музее, рассказ о Всемирном потопе. Это была знаменитая 11-я табличка из ассирийского собрания эпоса. Вскоре после этого выступления Смит опубликовал «Халдейский отчет о Потопе» и краткое описание эпоса.

Особую роль в судьбе «Эпоса о Гильгамеше» сыграла американская археологическая экспедиция из университета Пенсильвании. Началась она в сезон 1888/89 г. под руководством Джона Питерса на кургане Ниффер в южном Ираке.

Экспедиция нашла около 40 тыс. табличек с клинописью. Среди них были несколько с древнейшими версиями цикла о Гильгамеше на шумерском языке.

Имя Гильгамеш обычно переводят как «предок-герой».

Конечно, так могли бы звать только легендарного правителя. Но на основании ряда обнаруженных источников многие ученые утверждают, что герой – лицо историческое. Немецкие археологи, работающие в Ираке, даже объявили в 2003 г., накануне нападения НАТО на Ирак, что в ходе раскопок в местах, где, согласно «Эпосу о Гильгамеше», располагался город Урук, обнаружили могилу Гильгамеша на дне высохшего русла реки Евфрат. Начавшаяся война прервала работу ученых.

Если мы будем говорить о содержании всех сказаний о Гильгамеше в целом, то получим представление о характере царя Урука в развитии. Вначале он предстает самовластным, неводержанным деспотом, нещадно заставляющим верно-подданных трудиться на строительстве крепостных укреплений города и отнимающим у них жен. Боги послали к Уруку дикого человека Энкиду, способного противостоять Гильгамешу. Коварный царь первоначально вознамерился ослабить врага, подослав к нему блудницу Шамхат. Энкиду поддался чарам женщины, которая привела его в город. Произошедшая далее битва между героями завершилась совершенно неожиданно – недавние враги подружились.

Затем друзья совершили поход в Ливанские горы против свирепого чудовища Хумбабы – властелина кедровых лесов и любимца могущественного бога Энлиля. По утверждению ряда литературоведов, начиная с этого сюжета Гильгамеш стал богоборцем и истинным героем, равным древне-

греческому Прометею (что особо ценилось в советское время). Хумбаба был окружен семью магическими оболочками, данными ему богом Энлилем. Но герои вырубали волшебные кедры, которые являлись хранителями силы Хумбабы, и чудовище погибло – с каждым новым поваленным деревом Хумбаба лишался силы его оболочек, а вместе с ними и жизни.

Наблюдавшая за героями богиня Иштар воспылала страстью к Гильгамешу и предложила ему свою любовь. Однако герой отверг богиню, напомнив о погубленных ею любовниках и мужьях. Таким образом, если согласиться с трактовкой сказания Томасом Манном, Гильгамеш воспринял домогательства Иштар как оскорбление его мужского достоинства.

Гильгамеш и Энкиду со славой вернулись в Урук. Но по воле богов Энкиду вскоре умер. С этого времени Гильгамеша стали терзать мысли о грядущей смерти. Герой знал, что в мире есть единственный бессмертный – родственник Гильгамеша Ут-напишти. Царь решил найти его и узнать тайну вечной жизни, а потому отправился в странствование.

Видимо, здесь необходимо сделать важнейшее отступление. Начиная чуть ли не с первого художественного произведения, созданного человеком, вопрос о смерти, жизни и бессмертии стал главным вопросом творчества. Таковым он остается и по сей день. В эпосе о Гильгамеше впервые прозвучал единственный и неоспоримый ответ на него, обыгрываемый в литературе со всех сторон, но при этом не изме-

нивший своей сути.

Много подвигов довелось совершить герою, прежде чем он добрался к Ут-напишти. Наконец Гильгамеш переправился в ладье через воды смерти на остров блаженных, где и нашел вечно живущего. В древности боги решили наказать людей и уничтожить всех потопом. Между собой они договорились не сообщать людям о грядущей гибели. Но хитроумный бог Эа послал своему любимцу Ут-напишти сон, в котором повелел ему построить большой ковчег, приготовить его к плаванию и взять с собой в путешествие всю семью и по паре каждого зверя и каждой птицы. После потопа собрался совет богов, которые сами были перепуганы разразившейся катастрофой, и в знак благодарности Ут-напишти за спасение человечества и всего живого даровали ему бессмертие.

Подвиг Ут-напишти оказался столь велик, что вряд ли кто из людей мог еще когда-либо совершить нечто равное. Так что Гильгамеш не мог более рассчитывать на бессмертие.

Отвергая вечную жизнь и саму надежду на нее, Ут-напишти в разговоре с героем воскликнул:

Разве навеки мы строим дома?

Разве навеки мы ставим печати?

Разве навеки делятся братья?

Разве навеки ненависть в людях?..

Упорствуя, Гильгамеш попытался избавиться от смерти с помощью цветка вечной молодости, но старания его оказа-

лись тщетными.

Эпос о Гильгамеше завершается следующими словами:

И прибыли они в Урук огражденный.

Гильгамеш ему вещает, корабельщику Уршанаби:

«Поднимись, Уршанаби, пройди по стенам Урука,

Обозри основанье, кирпичи ощупай —

Его кирпичи не обожжены ли

И заложены стены не семью ль мудрецами?»

Часто говорят, что завершение поэмы весьма туманно и не поддается трактовке. Но согласно традиции, слова эти разъясняются следующим образом.

Вернувшись в родной Урук, герой увидел, как вокруг города вырастают возводимые по его приказу стены, и понял, что бессмертие человека – в делах его, что не телесная оболочка, а память потомков даруют смертному вечность. Таков и есть единственный верный ответ на вопрос о смерти и бессмертии человека. Иное дело, какое это бессмертие – славное или подлое. Впрочем, все равно оно остается бессмертием.

Медея

Медея – могущественнейшая среди людей, но бессильная против человеческой неблагодарности, всем существом своим отдавшаяся безграничной любви, но преданная и брошенная любимым, совершившая чуть ли не все самые омерзительные преступления по законам рода человеческого, но не только не осуждаемая, а более того, возвеличиваемая художниками и поэтами... Воистину страшная героиня древних мифов и шедевров мировой драматургии. Предательница Отечества, братоубийца, детоубийца, цареубийца – Медея оказалась вне суда Божьего и человеческого, но по сей день остается жертвой богов, втиснувших в сердце ее яростную страсть любви. Именно из образа Медеи берут свои истоки такие земные героини последующих времен, как Мадонна Леско, Эмма Бовари, Екатерина Измайлова, Анна Каренина и многие-многие другие. Но при этом ни одна из названных не может возвыситься до дочери Ээта, ибо страсть их низменна и самоубийственна, тогда как страсть волшебницы превысила могущество личного и возросла до возмездия бесстрастного и неумолимого Рока. Не человеческой мести, пусть даже такой симпатичной для читателя, как у графа Монте-Кристо, а высшего возмездия, осуществившегося через человека, но доступного только небесным силам.

Согласно мифам, дочь колхидского царя Ээта и самой Гекаты – богини мрака, ночных видений и чародейства, – Медея от рождения была волшебницей.

Когда в Колхиду приплыли за золотым руном аргонавты,

они оказались в опаснейшем положении, поскольку коварный царь Ээт намеревался погубить чужестранцев. Однако героям помогали богини Афина и Гера. По их просьбе бог Эрот пронзил сердце Медеи стрелой любви к вождю аргонавтов Ясону, который обещал царевне непременно жениться на ней. В литературе всегда акцентируют внимание на том, что клятва любви была дана юношей из расчета и без искреннего чувства. Как бы там ни было, но волшебница помогла аргонавтам похитить руно.

После этого Медея, прихватив своего юного брата Апсирта, бежала с греками из Колхиды. Дорогой, чтобы задержать преследователей, Медея убила брата, разрубила его тело на части и разбросала их по морю. Ээт был потрясен злодеянием, прекратил погоню и повелел собрать останки сына, чтобы предать его честному погребению.

Погоню продолжил небольшой отряд колхов. Они настигли преступников на острове феаков, где царствовал Алкиной. Согласно древним законам, царь должен был выдать Ээту беглую дочь, но Ясон и Медея спешно сочтались браком, после чего царь потерял все права на чужую жену.

Аргонавты торопились в Иолк, где царь Пелий в обмен на золотое руно должен был отказаться от престола. Однако коварный властитель не собирался держать свое слово, более того, за время отсутствия Ясона он убил отца и всех родственников героя. И вновь за дело взялась Медея: она убедила наивных дочерей Пелия, что если те зарежут дряхлого

старика, разрубят его труп на части и сварят в котле, то он воскреснет молодым и сильным. Глупые девицы так и поступили, но обещанное воскрешение не состоялось.

За цареубийство Ясон и Медея были изгнаны новым царем Акаетом из Иолка и поселились в Коринфе у царя Креонта, где счастливо прожили десять лет. За это время у них родились два сына – Мермер и Ферет.

Ясон тяготился обществом Медеи и, в конце концов, решил развестись с ней и жениться на дочери Креонта Главке.² Медея и ее сыновья должны были отправиться в изгнание. Однако волшебница не пожелала смириться со своей участью. Она прислала в дар новобрачной заколдованное одеяние, и Главка, надев его, сгорела заживо вместе с царем Креонтом и всеми, кто в тот час оказался в пиршественном зале. Ясон спасся, выпрыгнув в окно. Малолетних сыновей своих Медея убила собственными руками на глазах мужа, а потом унеслась на колеснице, запряженной крылатыми конями.

Ясон, по одной версии, покончил жизнь самоубийством, по другой, погиб под обломками обветшавшего корабля «Арго». В любом случае последние годы жизни он был бездомным и побирался, бродяжничая из города в город.

Медея же улетела в Афины, где вскоре вышла замуж за царя Эгея, которому родила сына Меда. Когда в Афины пришел Тесей, сын Эгея и трезенской царевны Эфры, Медея, опасаясь, что афинский престол унаследует Тесей, а не ее

---

² В некоторых вариантах мифа Главку зовут Креусой.

сын, убедила мужа отравить пришельца. Однако Эгей узнал в Тесее родного сына и приветствовал его, а Меее и бедному Меду пришлось бежать из города, спасаясь от мести Тесея.

Царица с сыном вернулась в Колхиду, где к тому времени был свергнут с престола ее отец царь Эт. Мед убил узурпатора и вернул власть деду.

Удивителен конец мифа о Меее. По воле богов она живой была перенесена на Острова Блаженных! Там волшебница вышла замуж за великого Ахилла и остается его верной супругой по сей день.

Судьба Мееи тем или иным образом вдохновила на творчество трех величайших древнегреческих трагиков – Софокла, Эсхила и Еврипида. Самой прославленной из них стала трагедия Еврипида (485/484 или 480–406 гг. до н. э.) «Меея».

Драматург жил в эпоху наивысшего расцвета афинской демократии (прошедшего под знаком победы греков в знаменитых греко-персидских войнах) и ее окончательного загнивания. Творчество Еврипида в значительной мере связано с так называемым «веком Перикла» (444/443—429 гг. до н. э.). Первая драма его была поставлена в 455 г. до н. э., но только четырнадцать лет спустя, в 441 г. до н. э., он одержал наконец победу в состязании трагических поэтов.

Самая ранняя из достоверно известных Еврипидовых трагедий «Алькеста» относится к 438 г. до н. э. Остальные шестнадцать дошедших до нас трагедий написаны Еврипидом

между 431 и 406 г. до н. э. Трагедия «Медeia» обычно датируется 431 г. до н. э.

Любопытно, что современники не очень благоволили к великому соотечественнику. Почти за пятьдесят лет своей творческой деятельности Еврипид всего четыре раза удостоился первого места в состязаниях трагических поэтов.

В 408 г. до н. э. драматург решил покинуть родные Афины и переехал жить ко двору македонского царя Архелая, который задумал собрать у себя самых выдающихся писателей и поэтов Греции. Однако прожил Еврипид в Македонии недолго: он умер, оставив не вполне завершенной свою последнюю трилогию. В 405 г. до н. э. ее поставил в Афинах сын (или племянник) трагика, и трилогия принесла Еврипиду пятую, уже посмертную победу.

Потрясает решение образа Медеи в одноименной трагедии Еврипида. Драмы, основой сюжета которых становилась месть, создавались в Древней Греции и до Еврипида. В Древнем мире вообще была более распространена история о том, что детей волшебницы побили камнями жители Коринфа, впавшие в ярость в связи с убийством Креонта. Наверняка первые зрители «Медеи» ожидали от трагедии чего-нибудь подобного. Начало пьесы обещало именно такую развязку. Медея явно готовилась погубить Ясона и его невесту...

И тут Еврипид пришел к немыслимому до него постижению глубин психологии. В страданиях своих Медея вдруг поняла, что беда ее не в разлучнице Главке, случайно вставшей

на ее дороге, но в том, что она безоглядно любила и любит Ясона, а она все эти годы была безразлична возлюбленному, который только использовал волшебницу в личных целях. Когда же потребность в услугах Медеи прошла, ее просто выкинули, как ненужную вещь. И тогда Медея восстала, восстала против изменника, а еще больше – против вонзенной богами в ее сердце безоглядной любви. Решение волшебницы стало таким же жестким и суровым, как и вся ее предыдущая жизнь, – Медея задумала истребить плоть изменника на земле, чтобы больше нигде и никогда не возродился он в новом облиции. И это уже должно было стать Возмездием, а не мелкой женской мстостью, превращалось в суровую форму самоубийства и самоотречения во имя разрушения воли богов.

Таков был Рок, а приговор его и приведение в жизнь этого приговора оказались в руках пораженной открытием предательства женщины. Медея казнила собственную Любовь во всех ее ипостасях. Разве после этого кто-то посмеет осуждать такую детоубийцу? На такой оценке Медеи настаивал и сам Еврипид. Вникнем в заключительный диалог трагедии:

Ясон: – Ты львица, а не жена! Ты демон, которым боги меня поразили!

Медея: – Зови, как хочешь, но я ранила твое сердце.

Ясон: – И собственное!

Медея: – Легка мне моя боль, когда вижу я твою.

Ясон: – Твоя рука их убила!

Медея: – А прежде того – твой грех.

Ясон: – Так пусть казнят тебя боги!

Медея: – Боги не слышат клятвопреступников.³

С этими словами Медея улетела из Коринфа.

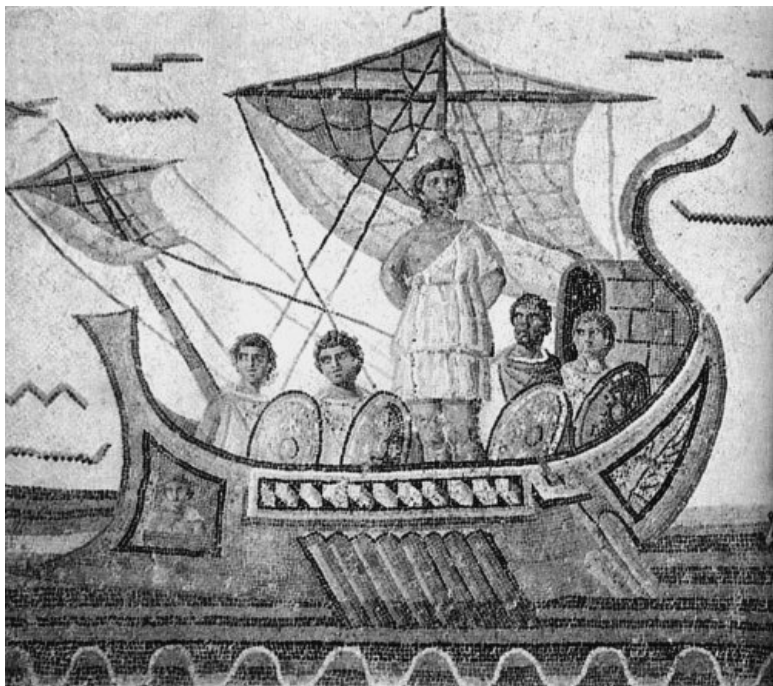
Трагедия Еврипида оказала сильнейшее влияние на развитие мировой драматургии в последующие века. Драмы Сенеки (I в.), П. Корнеля (1635), трилогия Ф. Грильпарцера «Золотое руно» (1818–1824), Ж. Ануя (1946), каждая со своими оттенками, по следам Еврипида трактует древний миф. Только Ануй попытался осудить Медею, представив ее как злобную всеразрушающую силу, гибелью своей (Медея в пьесе кончает жизнь самосожжением) принесшую безразличному к несчастьям преступницы окружению несказанное облегчение.

В медицине определен «комплекс Медеи», который характеризуется стремлением матери убить собственных детей, чтобы отомстить мужу. Бесспорно, это примитивная трактовка мифологического образа, живущего законами неизбежности в мире, где нет и не может быть добра или зла.

---

³ *Еврипид*. Трагедии. В 2-х т. Т. 1. М.: Наука—Ладомир, 1999.

Одиссей

Как и большинству людей времен архаики, Гомеру был свойственен фатализм, а потому судьба человека представлялась ему заранее определенной свыше. И герои его великих поэм живут и действуют в мире, предписанном им богами и предсказанном прорицателями. Поэтому говорить об их характерах и самостоятельных действиях довольно слож-

но – каждый более похож на символ, чем на реального живого человека. Исключения составляют лишь богоборцы, и первым среди них стоит царь Итаки Одиссей.

Правнука бога Гермеса и внука «самого вороватого из людей» Автолика древние греки даже по отцу предпочитали связывать с еще одним величайшим жуликом их народа – с Сизифом, который обманом овладел дочерью Автолика Антиклейей. Именно от этого бесстыдника, а вовсе не от законного мужа – Лаërта, и родила Антиклея сына Одиссея.

Мифологический герой Одиссей, видимо, существовал задолго до Гомера, но преимущественно как хитрец и обманщик. Поэт (или его безвестные предшественники) сделал Одиссея героем Троянской войны.

Оракул предсказал царю Итаки: «Если ты отправишься под Трою, то вернешься домой только через двадцать лет одиноким и нищим».⁴ И тогда Одиссей сделал первую, яркую попытку противостоять року – когда за ним приехали цари Агамемнон, Менелай и Паламед, он притворился безумцем и в бедной крестьянской одежде, никого не узнавая, стал пахать землю. Однако боги надоумили Паламеда выхватить из рук стоявшей рядом Пенелопы младенца Телемаха и посадить его перед плугом. Одиссею пришлось спасти сына и признаться в своей хитрости.

О дальнейших подвигах Одиссея трудно рассуждать и делать какие-либо выводы, поскольку о своей судьбе герой

---

⁴ См.: *Грейвс Р.*, вышеуказанное издание.

знал заранее, и, чтобы с ним ни случилось, он всегда помнил, что непременно вернется домой.

Обычно с именем Одиссея связывают долгие, зачастую бессмысленные скитания по свету, которые непременно заканчиваются возвращением домой, где путника ждут и любят близкие люди. Таково наказание и прощение высших сил их любимцу, вздумавшему бунтовать против рока.

Одиссей правил на Итаке много лет, пока не был убит не признавшим его во время ссоры сыном от Кирки Телегоном. Невольный отцеубийца, Пенелопа и Телемах отвезли останки царя на остров Кирки, где и был совершен обряд погребения. Телегон женился на Пенелопе, волшебница даровала им бессмертие и перенесла на Острова Бессмертных. Сама Кирка вышла замуж за Телемаха, который тоже стал бессмертным. От этого брака родился Латин⁵ – эпоним латинян и всего латинского.

---

⁵ Эпоним – дающий чему-либо свое имя.

Тримальхион

«Быстрыми и верными шагами приближаемся мы к тому времени, когда людей, получивших классическое образование, станут показывать на ярмарках, как ацтеков. А между тем еще очень нестарые люди помнят то время, когда античные авторы жили среди нас и в мало-мальски интеллигентном кругу: о Вергилии говорили, как о старом знакомом, независимо от того, каково было отношение к нему на

школьной скамье».⁶

Мог ли представить себе почтенный Б.И. Ярхо, что придут времена, когда о классическом образовании россияне вообще забудут, а на потеху публике на ярмарках вот-вот станут показывать просто гуманитарно образованных людей.

В далекий век классического образования «Сатирикон» Петрония входил в обязательную программу обучения. Его знал каждый гимназист, а имя одного из главных героев книги Тримальхиона было нарицательным, обозначая выскочку, о каких говорит старинная поговорка: «из грязи – в князи». В нашей стране (впрочем, как и в большинстве стран мира) уже скоро столетие заправляют делами Тримальхионы, так что для России этот литературный герой особенно интересен и несет в себе особый общественный знак.

Гай (или Тит) Петроний по прозвищу Арбитр (ум. 66) был приближенным императора Нерона (37–68). Тацит в «Анналах» рассказывает, что Петроний «проводил день во сне, ночь в делах и жизненных утехах; если другие достигают славы своим добрым рвением, то он приобрел ее праздностью: его считали не мотом и расточителем, как это обычно бывает с прожигателями жизни, а мастером изысканных наслаждений. Непринужденная и несколько небрежная вольность его слов и поступков сообщала им привлекательный оттенок откровенной непосредственности. Однако в должности

---

⁶ Цитируется по: *Петроний Арбитр*. Сатирикон. М.—Л., 1924. Предисловие Б.И. Ярхо.

проконсула Вифинии, а затем и консула, он проявил энергию и деловитость. Затем, вновь погрузившись в пороки – или в подражание порокам, – он принят был в самый узкий круг приближенных Нерона, как арбитр изящества, и Нерон находил подлинное наслаждение и негу только в тех излишествах, которые получили одобрение Петрония». ⁷ Это вызвало зависть Тигеллина, всесильного любимца императора. После раскрытия заговора Пизона Тигеллин постарался возбудить подозрения против своего соперника. Петроний «не стал длить часы страха или надежды» и совершил самоубийство.

«Сатирикон» был создан Петронием в конце жизни. Литературоведы определяют жанр этого произведения как сатирический роман низменно-бытового содержания. Ничего подобного в античной литературе не было создано ни до Петрония, ни после него. ⁸

Как предполагают ученые-антиковеды, «Сатирикон» состоял примерно из 20 книг. До наших времен дошли только фрагменты, начиная с 14-й (или 13-й) книги. Поэтому судить в целом о романе не представляется возможным.

К сожалению, в конце XVII в. некий Франсуа Нодо ⁹ объ-

---

⁷ Все цитаты из Тацита даются по книге: *Тацит. Сочинения* в 2-х т. Т. 1. Анналы. Л., 1969.

⁸ Иногда ошибочно сравнивают «Золотого осла» Апулея с «Сатириконом»; это произведения совершенно разных жанров.

⁹ *Нодо Франсуа* (ок. 1650 – ок. 1710) – французский офицер; объявил, что нашел полный текст «Сатирикона» в небольшом, не названном им монастыре.

явил, что им обнаружен полный «Сатирикон», и опубликовал якобы переведенный им текст, наполнив его эротическими сценами, в том числе и однополый любви. С этого времени роман повсюду переиздается только в версии Нодо: как обычно мотивируют издатели, – ради целостности произведения. Приходится признать, что даже в библиотеке А.С. Пушкина сохранилось французское издание «Сатирикона» с текстом Нодо. В России только в издании 1924 г. впервые вписанные в книгу тексты французского офицера были выделены особыми квадратными скобками, посредством чего подлинник Петрония оказался обособленным в так называемом «целостном» варианте.

Содержание романа Петрония (без вставок Нодо) вкратце примерно таково.

По Римской империи путешествуют, перебиваясь случайными доходами, два молодых жулика-любовника – Энколпий и Гитон. Рассказ ведется от имени Энколпия, который до появления на сохранившихся страницах книги осквернил храм, ограбил виллу, совершил убийство, был гладиатором. Сам юноша утверждает, что его преследует бог Приап, оттого он и мытарствуется по свету.

Во время своих опасных и печальных странствий Энколпий и Гитон постоянно попадают в сложные ситуации и сталкиваются с одиозными личностями из различных слоев общества.

Во время одного из таких приключений, спасаясь от пре-

следования разбойников, Энколпий, Гитон и их приятель Аскилт (еще больший прощельга, чем жуликоватая парочка) попали на пир к богачу Тримальхиону.¹⁰ «Пир у Тримальхиона» является самым большим отрывком из подлинной рукописи «Сатирикона».

Даже еще не появившись перед читателем, он уже предстал перед ним фанфароном и дураком. Один из его лизоблюдов восторженно сообщил Энколпию, что у «изящнейшего из смертных» Тримальхиона «в триклинии (столовая комната. – *Ред.*)... стоят часы, и (к ним) приставлен особый трубач, возвещающий, сколько мгновений жизни он (Тримальхион. – В.Е.) потерял».

Кем же был этот мнящий себя утонченной и одухотворенной личностью лысый старикашка в красной (то есть очень дорогой) тунике? Бывший раб, сирийский мальчик, служивший для любовных развлечений своих хозяев. Он стал любимцем господина, который отпустил красавчика на волю и даже оставил ему наследство. Тримальхион распорядился состоянием наилучшим образом – плутовством, обманом и хамским напором он нажил себе еще большее состояние, чем необычайно возгордился. Свою житейскую хитрость и хваткость он счел за возвышающую его надо всеми мудрость. Свое презрение к человечности, совести и благородству Тримальхион выразил в лично сочиненной им эпитафии на соб-

---

¹⁰ Имя Тримальхион имеет несколько переводов, наиболее точные – «трижды противный» или «трижды мерзавец».

ственное надгробье: «Он вышел из маленьких людей, оставил тридцать миллионов сестерциев и никогда не слушал ни одного философа».

Нет, Тримальхион не стал злодеем, ему даже было свойственно природное добродушие, но каждый его шаг определялся спесью новоиспеченного богача, который в душе так и остался рабом, а потому умирал от страха и зависти перед любым, пусть даже нищим, вольным человеком. Оттого, полагая себя мудрецом и знатоком всех сторон жизни, он непроизвольно представал перед читателем заурядным богатым самодуром, не знающим, какую еще роскошь выставить на обозрение окружающих его ничтожеств или какое еще чудачество выкинуть, чтобы те же ничтожества затем восхищались его оригинальностью и неповторимостью.

Такой же была и Фортуната, жена Тримальхиона, – спесивая, жадная до умопомрачения, в любой момент готовая устроить мужу-жлобу безобразный публичный скандал.

Тримальхион, как и подобало новоиспеченному хозяину жизни, был уверен, что является докой и в искусствах. На глазах у толпы нахлебников он, не раздумывая, сочинил эпиграмму, переврав при этом все законы древнеримской поэзии, какие только можно было перевернуть:

То, чего не ждешь, иногда наступает внезапно,
Ибо все наши дела вершит своевольно фортуна.
Вот почему наливай, мальчик, нам кубки Фалерн.

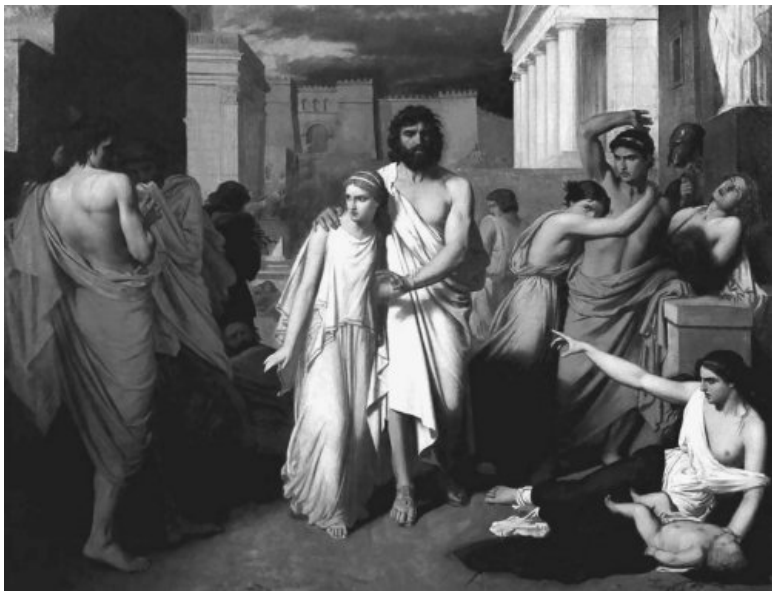
Окружение немедленно обсудило достоинства «высокой поэзии» хозяина и пришло в восторг...

Почти две тысячи лет прошло со времени написания «Сатирикона», а мир-то, оказывается, не изменился! Каждый день видим мы сегодня сцены из гениального творения Петрония, и несть этому конца.

Образом Тримальхиона Петроний четко высказал гениальную мысль, которая стала явью только через пятьсот лет, но какой страшной явью!!! Нет будущего у общества, опорой которому является раб и хам, которому диктуют законы бытия раб и хам, в котором властвуют раб и хам. Римский народ погиб навечно и безвозвратно. После него остались только великая история и великая культура, созданные вольными людьми и самозабвенными патриотами. Но явились тримальхионы и сожрали будущее римлян без остатка. А для истории пятьсот лет – одно мгновение.

Эту великую заповедь Петрония необычайно глубоко понял и донес до своего зрителя гений мирового кинематографа режиссер Федерико Феллини в фильме «Сатирикон».

Антигона

Хрупкая упрямая Антигона – один из ключевых образов мировой литературы и, пожалуй, одно из главных действующих лиц мировой истории. Миф об этой жертвенной царской дочери далеко не самый увлекательный и не значительный в ряду восхитительных творений древних греков. Нередко о нем вообще забывают многочисленные пересказчики античных преданий.

Но несмотря на это, именно Антигона оказалась героиней

самых значительных трагедий величайших творцов разных эпох и народов – Софокла, Еврипида, Расина, Альфьери, Гёльдерлина, Брехта, Ануя!.. Малосильный с виду монстр в прелестном обличии, посредством красивой, ни к чему не обязывающей болтовни о жертвенности, семейном долге и естественном законе разрушающий основополагающие устои общественной жизни и утаскивающий за собой в могилу все святое – и любовь, и материнство, и мир, и благоденствие. Никакая власть, никакое насилие не в состоянии остановить этого Нильса с волшебной дудочкой, уводящего людей в бездны Аида.

Напомним, что сам Аристотель опирался в «Риторике» на образ Антигоны при рассуждениях о двух категориях законов справедливости и несправедливости. Что сам великий Г.В.Ф. Гегель рассматривал образ Антигоны при разработке своей теории государства. И что нынешние либеральные демократы в противовес учению Гегеля видят в Антигоне символ верховенства личности над обществом, человека над государством, индивидуальной воли, «данной свыше Богом», над тиранством.

Обратимся первоначально к мифологической Антигоне. Дочь падшего по воле рока несчастного фиванского царя Эдипа и его матери-жены Иокасты дважды появляется в греческих сказаниях. Первый раз в рассказе о царе Эдипе она сопровождает ослепшего отца в добровольное изгнание. Видимо, в начале пути Антигона была еще подростком, по-

сколькx «странствовали они много лет по разным странам», пока не нашли приют в Аттике, в городе Колоне, где эринии затравили беглого царя до смерти. Антигона оплакала отца-брата и вернулась в Фивы.

Во втором мифе Антигона уже девица на выданье, и ее полюбил двоюродный брат по материнской линии Гемон. Любовь молодых людей только разгоралась, когда произошли следующие события.

После ухода Эдипа в изгнание царствовать в Фивах стали его сыновья, братья-близнецы Этеокл и Полиник. Они договорились править поочередно – один год Этеокл, второй год – Полиник. Но через год Этеокл отказался уступить трон брату, обвинив Полиника в заговоре на покушение на его жизнь.

В ответ Полиник набрал войско в городе Калидоне и пришел под фиванские стены. Осада была долгая и кровавая. Наконец Полиник, чтобы прекратить резню, предложил решить спор единоборством. Этеокл принял вызов. Во время схватки братья нанесли друг другу смертельные ранения.

Новым царем Фив стал дядя Антигоны по материнской линии Креонт, отец Гемона. Ему удалось изгнать врагов. Победители с честью похоронили царя Этеокла. Но следом Креонт совершил святотатство (по меркам древнегреческого общества) – в наказание за предательство, совершенное Полиником, который привел под стены родного города завоевателей и погубил этим множество невинных фивян, царь за-

претил под страхом смертной казни хоронить тела погибших врагов, дабы в назидание возможным в будущем предателям их сожрали дикие звери.

Антигона не захотела смириться с поруганием останков одного из ее братьев. Ночью девушка похитила тело Полиника и предала его погребальному огню.

Узнав об этом, Креонт призвал сына своего Гемона и велел ему закопать нареченную невесту живьем в могилу. Молодой человек притворился, будто готов исполнить волю отца, сам же поспешил обручиться с Антигоной и отправил жену в горы к пастухам. Там Антигона родила сына, которого в честь супруга назвала Гемоном.

Прошло время, мальчик подрос. Креонт по-прежнему благополучно правил Фивами. Однажды Гемон-младший пришел в город, чтобы участвовать в погребальных играх, и был опознан дедом по родимому пятну в виде змея, которое было у всех потомков Кадма.¹¹ Царь немедля приговорил юношу к казни. Бессильный спасти сына, Гемон убил Антигону за то, что она отпустила несчастного в Фивы, а затем покончил с собой.¹²

По другим версиям, Гемон не успел спасти Антигону. Девушку заживо замуровали в пещере, где она покончила с собой. Молодой человек тоже лишил себя жизни.

---

¹¹ Кадм – легендарный основатель Фив.

¹² Данный вариант мифа об Антигоне взят из вышеназванной книги Роберта Грейвса, исследовавшего практически все версии этой истории.

Креонт правил недолго. Возмущенный его святотатством и надругательством над останками погибших, на Фивы напал герой Тесей. Город был взят штурмом. Креонта заточили в темницу, а тела погибших передали их родственникам.

Как видим, ничего особенного в этой истории нет. И вряд ли она привлекла бы чье-то внимание, если бы не появилась трагедия Софокла «Антигона».

Великий древнегреческий драматург Софокл родился в 496 г. до н. э. в семье зажиточных афинян. Жизнь его прошла в эпоху судьбоносных войн и грандиозных побед, наивысшего расцвета и падения Афин. Достаточно сказать, что драматург был другом Перикла и входил в круг достойнейших людей, окружавших великого правителя, – историка Геродота, философов Анаксагора и Протагора, скульптора Фидия.

«Благополучное детство и отрочество в зажиточной семье; прекрасное воспитание, включавшее в себя всестороннее развитие тела и ума, последнее благодаря широкому знакомству со всей предыдущей поэзией греков, от Гомера до Эсхила. В день Саламинской битвы шестнадцатилетний Софокл возглавлял хор юношей, славивших победу, сопровождая торжественный гимн игрой на лире. В своих ранних трагедиях (первое его выступление на афинской сцене относится к 470 г. до н. э.) Софокл сам исполнял главные роли, он очаровывал зрителей изяществом телодвижений при игре в мяч и искусством игры на кифаре. Когда поэту было немно-

гим за пятьдесят лет, его избрали на ответственную, требовавшую кристальной честности должность казначея в Афинском морском союзе. Поставив свои драмы в течение всей жизни не менее тридцати раз, он в двадцати четырех случаях удостоился первого места и ни разу не занял последнего. Сохранился полулегендарный рассказ о том, как даже в погребении Софокла сказала милость богов: к спартанскому царю Агису, осаждавшему в конце Пелопоннесской войны Афины, явился-де во сне бог Дионис, повелевший ему не мешать совершению похорон любимца афинского театра, и Агис действительно не стал чинить этому никаких препятствий!»¹³

Впервые перед зрителями трагедия была исполнена примерно в 442 г. до н. э. Это было время наивысшего расцвета Афин, но уже тогда Софокл предчувствовал катастрофу, которая последовала в ходе необычайно быстрого загнивания афинской демократии.

Споры вокруг Софокловой «Антигоны» ведутся уже две с половиной тысячи лет, но конца им нет. Видимо, ближе всех к разрешению загадки этой пьесы подошел Гегель, усмотревший в трагедии столкновение равно справедливых принципов: интереса государственного и интереса семейного; обе стороны в равной мере правы и одновременно неправы в силу своей односторонности.

---

¹³ Софокл. Трагедии // Вступительная статья: Ярхо В. Софокл и его трагедии. М., 1988.

В современной литературе часто можно найти утверждение, будто Гегель заблуждался, что в трагедии есть единственная победительница – Антигона, своей гибелью предопределившая неизбежный конец тирана, поправшего все законы богов и справедливости. Обычно именно с этих позиций и рассматривается образ героини.

Однако если мы внимательнее познакомимся с текстом трагедии, то для непредвзятого читателя становится ясным, что единственным положительным (и жертвенным) героем трагедии является Креонт – человек, во имя Отечества и своего народа в одиночку пытающийся противостоять богам и толпе самовлюбленных, сосредоточенных только на своих вздорных желаниях эгоистов. И первая среди таковых – словоблудливая Антигона. Девицу интересуют только ее личные, оторванные от реальности фантазии, и никакие уговоры и разъяснения не в силах остановить ее разрушительные антиобщественные выпады. Фактически Антигона в еще большей степени предательница, чем ее погибший братец, ради престола наславший на фивян головорезов.

Почему-то, обсуждая образ Антигоны, критики обычно забывают о простых жителях Фив и вспоминают о них только для того, чтобы объявить о косвенной поддержке горожанами действий Антигоны. А ведь всю трагедию Креонт говорит именно о необходимости мира в Фивах и, следовательно, о жестоком наказании предателей, дабы предупредить возможность новых предательств.

Выше мною были названы имена великих драматургов разных времен и народов, кто обращался к образу Антигоны в своих произведениях. Рассматривать их по отдельности не имеет смысла, поскольку они в различных вариациях повторяли идеи Софокла.

Гораздо интереснее, на мой взгляд, трактовка образа Антигоны дана в одноименной пьесе Жана Ануя.

Жан Ануй родился в 1910 г. в Бордо в семье портного и скрипачки. Когда юноше исполнилось пятнадцать лет, он переехал в Париж. В 1928 г. Жан женился на актрисе Монель Валентин. Видимо, с помощью супруги с начала 1930-х гг. Ануй стал работать секретарем режиссера Луи Жюве. Тогда-то у него и зародилось желание добиться успеха с помощью драматургии. Первая пьеса «Горностай» была написана Ануем в 1932 г. С этого времени по 1960 г. включительно драматург с завидным постоянством создавал по одной пьесе в год.

Первый успех пришел к Аную в 1937 г., когда в Париже была поставлена его пьеса «Путешествие без багажа».

Драматург не оставлял свою деятельность и в годы Второй мировой войны. В оккупированном нацистами Париже им были написаны пьесы по мифологическим сюжетам, в том числе «Эвридика» (1942) и самая прославленная пьеса Ануя «Антигона» (1943). «Антигону» поставили в том же году, и жертвенность героини была расценена тогда как призыв к сопротивлению.

Необходимо также упомянуть пьесу 1948 г. «Медея», где Ануй рассказал о судьбе женщины, которая стала преступницей во имя неразделенной любви.

Умер Жан Ануй в 1987 г. в возрасте семидесяти семи лет в своем доме в Лозанне.

«Антигона» Жана Ануйа была необычайно популярна в Советском Союзе. Ставили ее все театры – от академических до самых низкопробных любительских. Чтобы объяснить столь необычную популярность этой пьесы, процитирую весьма знаменательные слова из недавнего интервью известного политика: «Мы выросли на “Антигоне” Ануйа, Ануйа-диссидента, Ануйа-антифашиста».

Слова эти принадлежат Валерии Новодворской.

Образ Антигоны по Аную современные российские диссиденты трактуют примерно так. Антигона решает вопрос не погребального характера. Она пойдет на смерть из-за отвращения к грязной политической кухне, к государственному лицемерию, ко всеобщему заговору конформизма. Погребение Полиника для героини только предлог, тем более что останки Этеокла и Полиника смешались. Креонт исключительно в демагогических и педагогических целях приказал половину плоти (якобы останки патриота) с почестями похоронить, а другую половину (якобы останки предателя) бросить в пустыне на съедение хищникам. Все это условно, кроме одного: власть лжет, и требует эта власть, чтобы ложь называли правдой под страхом смерти.

Филемон и Бавкида

Благочестивые, любящие и верные друг другу супруги есть во многих мифах и религиях мира. Одной из самых знаменитых стала пара Филемон и Бавкида – герои античных мифов, рассказ о которых вошел в великую поэму Овидия Назона «Метаморфозы».

Поэма была написана в так называемый второй период в творчестве поэта: 1–8 гг. Это пора зрелости Овидия, когда он окончательно решил перейти от любовной лирики к более крупным литературным формам и создать поэму в гекзаметрах.

Будучи самым молодым из поэтов эпохи «золотого века»

древнеримской литературы, Овидий оказался в весьма затруднительном положении. Казалось, что самые значительные темы были уже разработаны его предшественниками – Вергилием и Горацием, не говоря уже о Гомере.

И тогда Овидий решил писать поэмы о древнеримских богах, переложив в стихи многочисленные малые мифы народов Средиземноморья – преимущественно греков и римлян. Так появились «Метаморфозы», благодаря которым мы в основном и знаем столь подробно античную мифологию.

Обычно принято считать, что поэт смог всерьез заняться поэмой «Метаморфозы» ок. 2 г. до н. э. Если это так, то в 2002 г. исполнилось две тысячи лет со времени начала работы над поэмой. В 15 песнях «Метаморфоз» рассказано о различного рода мифических превращениях, начиная с создания мира из хаоса вплоть до апофеоза Юлия Цезаря, чья душа, согласно распространенному поверью, переселилась в комету, появление которой совпало с погребальными играми в честь диктатора.

Поскольку метаморфозы так или иначе присутствуют почти во всех античных мифах, поэма превратилась в свод мифологии, а в последней своей трети она излагает греческие и римские исторические легенды. Всего при написании поэмы использовано свыше 200 мифов о превращениях; все они тщательно связаны друг с другом либо общностью персонажей, либо генеалогией, либо местом, либо временем действия; важнейшие эпизоды идут в условной последователь-

ности мифологической хронологии.

В восьмую книгу «Метаморфоз» вошла история о Филемоне и Бавкиде. Это ликийский миф, но Овидий перенес его действие во Фригию.

Юпитер и Меркурий вознамерились испытать людей на благочестивость, для чего отправились под видом странников по селениям Фригии. И что же?

Сотни домов обошли, о приюте прося и покое,
Сотни к дверям приткнули колы...¹⁴

Приняли путников только в самом бедном, жалком домике с камышовой крышей. Жили в нем благочестивые старики – Филемон и Бавкида.

...Легкою стала
Бедность смиренная им, и сносили ее безмятежно.
Было б напрасно искать в том доме господ и прислугу,
Все-то хозяйство – в двоих; все сами: прикажут –
исполнят.

Прожили они в бедности всю жизнь, в ней и состарились. Но путников приняли с великой честью – сами омыли ноги своим гостям (обычно в обеспеченных домах это делали рабы), все, что было съестного, подали на стол.

---

¹⁴ Софокл. Трагедии // Вступительная статья: *Ярхо В.* Софокл и его трагедии. М., 1988.

Неожиданно на столе появился сосуд с вином, и тогда поняли Филемон и Бавкида, что дом их посетили бессмертные боги. Испугались они, стали просить прощения за нищенский прием...

Но боги решили наградить их за благочестие и гостеприимство. Тогда попросили старики, чтобы сделали их стражами храма Юпитера, но более всего молили о том, чтобы позволили им умереть в один миг, дабы не оплакивали один другого. Так все и стало.

Нечестивых жителей Юпитер наказал потопом, и на месте их домов сделалось болото. А домишко Филемона и Бавкиды превратился в храм.

Когда старикам пришло время умирать, превратились они в деревья: Филемон стал дубом, а Бавкида – липой. Их имена со времен Овидия считаются символом верности и трогательной любви «до гробовой доски».

Впоследствии, вдохновленный «Метаморфозами», написал поэму о Филемоне и Бавкиде Ж. Лафонтен. И.-В. Гёте во второй части «Фауста» использовал их образы как символ крушения старого уютного мира.

В русской литературе часто сравнивают с Филемоном и Бавкидой старосветских помещиков Н.В. Гоголя. Но, на мой взгляд, необходимо прежде всего обратиться к житиям наших православных святых и вспомнить о благочестивых и неразлучных св. Петре и Февронии, хранителях семейного очага.

Древнерусская «Повесть о Петре и Февронии Муромских» была написана русским монахом – писателем Ермолаем Еразмом¹⁵ по устным преданиям второй половиной XV в.

Феврония была дочерью бортника из деревни Ласково Рязанской земли. Она славилась добродетелью, великим умом и прозорливостью. Муромский князь Петр одолел в битве летучего змея, но тот, издыхая, опрыскал князя своей ядовитой кровью. Петр тяжело заболел. Феврония взялась вылечить его, но при условии – после излечения Петр возьмет Февронию за себя замуж. Князь исполнил ее желание.

Боярские жены не захотели принять простолюдинку и заставили своих мужей добиться того, чтобы князь прогнал свою жену. Но сила любви одержала верх. Чтобы не было разлада, Петр отказался от княжения, и они с Февронией ушли из Муром. Изгнание длилось недолго – бояре передрались между собой за власть, и горожане уговорили изгнанников вернуться и править ими.

Петр и Феврония одновременно приняли иноческий чин, и Бог даровал им «...един час будет преставление...»

Еще при жизни святые приготовили себе общий гроб, где их тела отделяла только тоненькая перегородка. Но бояре решили, что не гоже, если инок и инокиня будут лежать в одном гробу и в одной могиле. Решено было похоронить их в отдельных гробах и в разных монастырях. Но сколько ни раз-

---

¹⁵ *Еразм Ермолай* (р. в 1510-х гг. – умер около середины XVI в.) русский писатель, публицист, церковный деятель.

деляли их друг от друга, на следующее утро покойные оказывались в общем гробе.

День памяти свв. Петра и Февронии – 25 июня (8 июля по н. ст.) – в старину отмечался как день семейного очага и влюбленных. После развала Советского Союза усилиями средств массовой информации нам был навязан католический День св. Валентина. (26 марта 2008 г. на заседании комитета СФ по социальной политике был учрежден новый государственный праздник 8 июля – в День покровителей святых Петра и Февронии: Всероссийский день супружеской любви и семейного счастья. – *Ред.*)

Литература народов Азии

Шахерезада

Шахерезада (Шахразада, Шехерезада) в историю мировой литературы, бесспорно, вошла прежде всего как символ женского коварства и искусства обольщения. Конечно, можно говорить о том, что бедняжка боролась за свою жизнь и жизнь других девушек Персии, но при более основательном рассмотрении этой истории неизбежно приходишь к выводу, что семейство визиря поставило на старшую дочь в борьбе за власть в стране и победило.

Напомним сюжет. Единожды уличив жену в измене, разгневанный персидский царь Шахрияр убил ее, всех рабынь ее и служанок – свидетелей прелюбодеяния. После казни неверной стал царь каждый вечер брать себе новую жену, а на утро убивал ее, чтобы уже никогда ему не наставили рога. Пришло время, и не осталось в городе девушек на выдачу. Шахрияр снова повелел своему визирю найти и привести ему новую жену.

В великом страхе вернулся визирь домой, не зная, что делать. А были у него две дочери: старшая – Шахерезада, девушка необычайно мудрая, много читавшая, и младшая – Дуньязаде. Узнав об отцовской беде, Шахерезада настояла на том, чтобы ее отдали замуж за Шахрияра.

Сразу же после свадьбы молодая жена уговорила супруга допустить в их брачную постель младшую сестру ее, чтобы проститься с ней перед смертью. Ночь провели они втроем, а за час до рассвета Дуньязаде попросила сестру рассказать чудесную сказку. И Шахерезада начала рассказ...

«Но тут застигло Шахерезаду утро, и она прекратила дозволенные речи. И сестра ее воскликнула: “О сестрица, как твой рассказ прекрасен, хорош, и приятен, и сладок!”

Но Шахерезада сказала: “Куда этому до того, о чем я расскажу вам в следующую ночь, если буду жить и царь пощадит меня!”

И царь тогда про себя подумал: “Клянусь Аллахом, я не убью ее, пока не услышу окончания ее рассказа!”

Потом они провели эту ночь до утра обнявшись, и царь отправился вершить суд, а визирь пришел к нему с саваном под мышкой. И после этого царь судил, назначал и отставлял до конца дня и ничего не приказал визирю, и визирь до крайности изумился.

А затем присутствие кончилось, и царь Шахрияр удалился в свои покои». ¹⁶

Так, как известно, продолжалось тысячу и одну ночь, пока царь не забыл о своем намерении казнить жену. Хитрые девицы ловко заморочили властителю голову, опровергнув распространенную ныне присказку: «Мужчина любит глазами, а женщина – ушами».

Вопрос о происхождении книги «Тысяча и одна ночь» не выяснен по сей день и вряд ли когда получит точный ответ. Попытки искать прародину ее в Индии оказались безуспешными. Еще в XI в. арабские ученые считали книгу переводом с древнеперсидского собрания сказок «Хезар Эфсане»,

---

¹⁶ Тысяча и одна ночь. В 8 т. Т.1. М., 1959.

составленного для Хумаи, дочери иранского царя Ардешира, жившей в IV в. до н. э. Это предположение подтверждено ныне найденным отрывком из «Хезар Эфсане»,¹⁷ который относят к IX в. Но в книгу Хумаи входило максимум двести сотни сказок.

Женщина Ширазад появилась в арабских переводах примерно в начале X в., так родилась бессмертная Шахерезада. Книга тогда уже называлась «Тысяча ночей».

По рассказам арабского средневекового мыслителя ан-Надима, мудрец Абд-Аллах аль-Джахшьяри, действительно живший в X в., задумал составить книгу из тысячи сказок «арабов, персов, греков и других народов», по одной на ночь, но умер, успев набрать только 480 повестей. Сборник аль-Джахшьяри до нас не дошел, но он уже назывался «Тысяча и одна ночь», и вполне возможно, что именно от него произошло современное название книги.

В дальнейшем литературная эволюция сборника продолжалась вплоть до XIV–XV вв. В его удобную конструкцию вкладывались все новые и новые сказки разных жанров и происхождения.

Ныне существует пять версий «Тысячи и одной ночи», отличающихся друг от друга по составу и по порядку сказок. Наиболее известная версия отражена в египетских изданиях и, как установили ученые, приобрела свой вид в Египте в конце XV – начале XVI в. Сегодня именно эта книга в ос-

---

¹⁷ «Тысяча повестей».

новном и известна европейскому читателю.

В Европе о «Тысяче и одной ночи» узнали благодаря французскому переводу писателя Антуана Галлана (1646–1715), опубликованному в Париже в 1704–1712 гг. Поскольку ни в одном восточном сборнике не было найдено сказок «Аладдин и волшебная лампа» и «Али-Баба и сорок разбойников», Галлан некоторое время считался их автором. Впоследствии были найдены старинные арабские записи этих сказок. Однако и теперь ряд исследователей продолжает утверждать, что «Аладдин...», «Али-Баба...», а также цикл сказок о Синдбаде-мореходе созданы Галланом, который дописал их после успеха изданного им первого тома «Тысячи и одной ночи».

Благодаря Галлану в начале XVIII в. в Европе началось повальное увлечение восточной экзотикой. Некоторые правители строили себе особняки наподобие дворцов султана. Салоны в Европе наполнились мавританскими коврами и подушками. Гёте написал «Западно-восточный диван», Моцарт сочинил «Похищение из Серая». Велико было влияние «Тысячи и одной ночи» на творчество различных писателей – Монтескьё, Виланда, Байрона, Гауфа, Теннисона, Диккенса, Дюма-отца. Такие художники, как Делакруа, создавали полотна с изображениями шикарного убранства гаремов и полуобнаженных рабынь во фривольных позах. Книга с французским переводом А. Галлана имела и в библиотеке А.С. Пушкина, который восхищался красотой во-

сточной фантазии. Иными словами, Антуан Галлан на 300 лет сформировал наше видение Востока.

До 1917 г. переводов «Тысячи и одной ночи» на русский язык непосредственно с арабского не было, хотя переказы из Галлана начали появляться с 1760-х гг. В 1929–1938 гг. был опубликован единственный ныне восьмитомный русский перевод сборника, сделанный арабистом Михаилом Александровичем Салье (1899–1961) под редакцией выдающегося ученого-арабиста академика Игнатия Юлиановича Крачковского (1883–1951).

Об образе самой Шахерезады косвенно, но точно сказано в самом начале «Тысячи и одной ночи»:

Не будь доверчив ты к женщинам,
Не верь обетам и клятвам их;
Прощенье их, как и злоба их
С одной лишь похотью связаны.
Любовь являют притворную,
Обман таится в одеждах их.
Удивленья великого тот достоин,
Кто от женских остался чар невредимым...¹⁸

---

¹⁸ «Тысяча повестей».

Ходжа Насреддин

«Есть в Аравии реки, которых только среднее течение открыто человеческому взору, а начало и конец прячутся в подземных глубинах. Жизнь Ходжи Насреддина можно уподобить такой реке: все, что мы о нем знали, относилось к его среднему возрасту, от двадцати до пятидесяти лет; детские же годы, равно как и старость, пребывали в сокрытии.

Восемь гробниц в разных частях света носят его славное имя; где среди них единственная? Да может быть, ее и нет

среди этих восьми; может быть, ему достойной гробницей послужило море или горное туманное ущелье, а надгробным плачем над ним был дикий вой морского урагана или необъятный, медлительно-тяжкий гул снежной лавины...

Что касается истоков его бытия – то знают, что родился и вырос он в Бухаре, но как он жил в детстве, какие могучие кузнецы давали закал его сердцу, какие мастера оттачивали его разум, кто из мудрецов открыл ему природу его неукротимого духа, – все это оставалось до сих пор неизвестным». ¹⁹

Так написал в своей знаменитой книге «Повесть о Ходже Насреддине» писатель и сценарист Л.В. Соловьев. Это, пожалуй, лучшее произведение на русском языке, рассказывающее о легендарной жизни прославленного мудреца.

На Востоке утверждают, что Ходжа Насреддин – историческое лицо. По советской традиции, когда все лучшее должно было быть (и зачастую действительно было) нашим, Соловьев придерживался версии, что Ходжа – уроженец Бухары. После развала СССР, когда Узбекистан стал для нас чужой страной, но для россиян распахнули двери турецкие курорты, гораздо популярнее стала версия о его турецком происхождении.

Установить истину чрезвычайно трудно. Ведь в разных странах его даже зовут по-разному: узбеки и турки – Ходжой Насреддином; афганцы – Насреддином Афанди (Эфенди, Эпенди); азербайджанцы и чеченцы – Муллою (или Мол-

---

¹⁹ Соловьев Леонид. Повесть о Ходже Насреддине. Л., 1988.

лой) Насреддином; называют его и Анастратином, и Несартом, и Насыром, и Наср ад-дином. При этом надо учитывать, что имена Ходжа, Афанди или Мулла не означают духовного сана, поскольку в старину на Востоке принято было так называть всех наиболее уважаемых и образованных людей.

Согласно турецкой версии, Ходжа Насреддин (1208–1284) родился в деревне Хорту близ местечка Сиврихисар в турецкой Анатолии.

Отца Насреддина звали Абдуллах Эфенди, он был имамом деревенской мечети, человеком для своего времени весьма образованным. Зато мать его, красавица Сыдыка Хатун, была безграмотной, к тому же очень вздорной и скандальной женщиной. Редко кто сомневается, что знаменитые анекдоты о склочной жене Насреддина – это истории из жизни его родителей.

Начальное образование Насреддин получил в медресе. Потом долгое время работал старшим учителем, почему его и стали называть Ходжой (учитель), а после смерти отца он занял место в деревенской мечети. Некоторые считают, что остроумец был кадием – народным судьей и одновременно писал басни.²⁰

Умер настоящий Насреддин якобы в городе Акшехире, километрах в двухстах южнее родной деревни. Там сейчас и находится одна из его гробниц, та самая, на которой высечена знаменитая перевернутая дата его смерти – 386 г. по во-

---

²⁰ Басни Ходжи Насреддина впервые были изданы в 1923 г. в Париже.

сточному календарю. Согласно преданию, это была последняя шутка хитреца, который велел начертать год своей смерти наоборот – на самом деле на гробовой плите должна была стоять цифра 683.

Согласно другой версии, Ходжа Насреддин жил при дворе арабского халифа Гарун-аль-Рашида и был выдающимся ученым. Он проповедовал некое ложное учение, и его стали преследовать учителя веры. Тогда Насреддин притворился безумцем, стал шутком и получил возможность свободно говорить все, что думал.

Как бы там ни было, сегодня Ходжа Насреддин является прославленным героем фольклора многих стран Ближнего и Среднего Востока и Центральной Азии. Остряк-философ и неунывающий бродяга, ходит он по свету со своим любимым ослом и учит людей жизни, защищает бедных, наказывает богачей и злодеев, что, впрочем, одно и то же.

Кстати, под ослом обычно принято рассматривать бессловесный народ – и тягловая сила, и транспорт, и терпеливый, безмолвный слуга. Для Насреддина он еще верный друг, который никогда не предаст и поможет в трудную минуту. Правда, Насреддин не стесняется и пошутить над бессловесным животным с выгодой для себя. Напомню знаменитую притчу.

Однажды Ходжа Насреддин стал повсюду хвастаться, что может научить своего осла говорить. Узнал о том султан и призвал хвастуна к ответу. Насреддин предложил оплатить

ему труды, а через 20 лет он готов показать повелителю говорящего осла. Султан повелел выплатить названную сумму и стал ждать. Когда жена вздумала ругать Ходжу за глупость, где это видано – научить осла человечесьей речи, мудрец ответил:

– Успокойся! За двадцать лет кто-то наверняка помрет – либо ишак, либо султан.

Короткие истории-притчи о Ходже Насреддине относят к школе суфизма. При этом остроумные притчи, близкие по жанру к анекдоту, представляют собой уникальное явление.

Остроумие Насреддина прославило его в веках. Народным любимцем он, видимо, стал уже при жизни. Со временем слава его не убавилась, а столь усилилась, что ныне у некоторых народов Востока даже сложилась традиция – если кто-то произносит в обществе имя Ходжи Насреддина, он обязан рассказать семь историй из жизни остроумца, а в ответ на это каждый слушатель также должен рассказать свои семь историй о Ходже. По преданию, семь историй о Насреддине, изложенных в определенной последовательности, могут привести человека к озарению и мгновенному постижению истины.

Первые лятаиф – анекдоты о Насреддине – были записаны в Турции в XVI в. Со временем они были собраны в книге. Первая книга анекдотов о Насреддине появилась в Турции в 1837–1838 гг. В 1859 г. востоковед Малауф перевел их на французский язык и издал в Париже. С этого времени Ходжа

стал популярным героем и у европейских народов.

В мире установлено несколько памятников Ходже Насреддину. Самые известные – у въезда в Сиврихисар и в Хорту, а также в Бухаре. Недавно памятник остроумцу был установлен в День смеха в Москве на Ярцевской улице. Скульптор Андрей Орлов. Любопытно, что на всех памятниках Насреддину сопутствует ослик.

Герои американской литературы

Том Сойер и Гекльберри Финн

«Большая часть приключений, о которых рассказано в этой книге, взяты из жизни: одно-два пережиты мною самим, остальные – мальчиками, учившимися вместе со мной в школе. Гек Финн списан с натуры, Том Сойер также, но не с одного оригинала – он представляет собой комбинацию черт, взятых у трех мальчиков, которых я знал, и потому принадлежит к смешанному архитектурному ордеру».²¹

Так сказал о своих героях в Предисловии к «Приключениям Тома Сойера» Марк Твен, который к тому времени уже задумывал продолжение их походов в новой повести, ставшей самым прославленным в истории произведением американской литературы. Это были «Приключения Гекльберри Финна».

Гораздо позднее писатель сочинил «Тома Сойера за границей» и «Тома Сойера – сыщика» – обе повести носят сугубо коммерческий характер, поскольку Твен оказался в годы их написания в крайне затруднительном финансовом положении, содержат большинство недостатков подобных скоропелок и редко переиздаются. Недавно в России были выпущены еще две ранее распространявшиеся на Западе повести, якобы написанные Марком Твеном, – «Заговор Тома Сойера» и «Том Сойер и Гек Финн у индейцев».²²

---

²¹ *Твен Марк. Приключения Тома Сойера. М.: Художественная литература, 1977.*

²² Издатели этих книг утверждают, что оба произведения взяты из черновики писателя уже после его кончины. Официальное литературоведение этого не подтверждает, а потому здесь они рассматриваться не будут.

Герои двух первых книг тетралогии Марка Твена Том Сойер и Гекльберри Финн фактически совершили революционный переворот в мировой литературе для детей, поставив ее, образно говоря, с головы на ноги. Не зря в тех же США XIX в. эти книги неоднократно объявлялись безнравственными и даже кое-где находились под запретом. Если до Марка Твена задачей писателей для детей был показ милых и послушных деток, которых судьба вознаграждает за добродетели и правильное поведение, то начиная с двух сорванцов из маленького провинциального городка Санкт-Петербурга в литературу ворвался и быстро вытеснил всех других добрый, от природы умный озорник и малолетний авантюрист с врожденным чувством справедливости и стремлением помогать слабым. Тоже выдумка, но куда ближе к правде, чем абсолютно добродетельные крошки.

Ушло время Оливера Твиста, сойеровский же герой главенствует по сей день, невзирая даже на явление «Повелителя мух» Голдинга и сэлинджеровского Холдена Колфилда. Сегодня невозможно назвать ни одну мировую литературу, где бы он не торжествовал. Не будем далеко ходить и укажем только на самых известных отечественных авторов – классиков литературы для детей, создавших подобных героев в СССР: Л. Пантелеев, В.П. Катаев, А.Н. Рыбаков, Н.Н. Носов, В.Ю. Драгунский, Ю.В. Сотник, В.В. Голявкин и многие-многие другие. Бесспорно, в каждой стране и у каждого народа их литературные герои детской книги носят свою на-

циональную и историческую специфику, но можно без оговорок утверждать, что в основе своей каждый из них родом от Тома Сойера.

Справедливости ради отметим, что Том Сойер и Гекльберри Финн – не статичные образы и последовательно развивались по мере изменения житейских воззрений Марка Твена. Не зря писатель неоднократно говорил о том, что хочет создать роман о взрослых героях своей тетралогии, однако так на это и не решился. И к счастью, наверное. Поскольку иначе мы бы видели Тома и Гека в совершенно ином свете.

Сэмюэл Ленгхорн Клеменс, известный нам под литературным псевдонимом Марк Твен, родился в 1835 г. в маленькой деревушке Флорида, штат Миссури. Родители будущего писателя были коренными американскими поселенцами английского происхождения с примесью ирландской крови. Отец его Джон Клеменс (1798–1847) работал провинциальным юристом, получал мало, и семья постоянно находилась на грани разорения. Мать Твена Джейн Лемптон Клеменс (1803–1890) была домохозяйкой и занималась воспитанием семерых отпрысков (трое умерли в детские годы). Именно с нее впоследствии Марк Твен написал тетю Полли.

В 1839 г. Клеменсы переехали в городок Ганнибал на реке Миссисипи, хорошо известный ныне читателям всего мира как Санкт-Петербург из «Приключений Тома Сойера». Здесь Сэмюэл провел свое отрочество. Здесь же в 1847 г. умер его отец. Двенадцатилетний мальчик был вынужден

бросить школу и поступить «за одежду и стол» в местную газету «Миссури курьер».

А в восемнадцать лет Сэмюэл пошел в люди – четыре года путешествовал он по Америке бродячим наборщиком. Когда же вернулся, то решил стать лоцманом на Миссисипи. Проплавал молодой человек еще четыре года, причем по ходу дела он узнал не только навигацию по великой реке, но и многочисленные человеческие типы, ставшие впоследствии благодатным материалом в его литературной работе.

Но вот в США началась Гражданская война 1861–1865 гг., и последовала блокада Миссисипи. Клеменсу пришлось искать другой заработок. В последующие годы он побывал рудокопом в копиях Невады, газетным репортером (именно в это время он взял себе псевдоним Марк Твен), золотоискателем в Калифорнии, газетчиком в Сан-Франциско.

В 1862 г. в нью-йоркской газете «Сатердей пресс» был напечатан небольшой рассказ Марка Твена «Джим Смайли и его знаменитая скачущая лягушка из Калавераса». Рассказ был с восторгом принят читателями. Так началось восхождение писателя Марка Твена к вершинам мировой славы.

В 1867 г. он совершил поездку в Европу газетным корреспондентом и посетил, в частности, Россию – города Одессу, Севастополь и Ялту.

Вернувшись в Америку, Твен влюбился в дочь богатого американского углепромышленника Оливию Ленгдон. Они поженились и обосновались в Гартфорде, штат Коннектикут.

С этого времени Марк Твен полностью посвятил себя писательскому труду, чем и занимался более сорока лет.

Роль супруги в жизни и творчестве писателя необычайно велика. На долгие годы (до 1905 г., когда она умерла) Оливия стала домашним цензором Марка Твена и жестко вымарывала из его произведений любые опасные социальные или политические высказывания. Писатель безоговорочно подчинялся решениям любимой супруги, но и жестоко страдал от ее тирании. Оливия требовала от мужа оптимистических произведений, а Твен с каждым годом все более и более погружался в мизантропию. Об этом мир узнал из его «Записных книжек», опубликованных посмертно.

Вот лишь несколько высказываний, записанных там Марком Твеном в годы работы над его великими произведениями и позже.

«Меня бесконечно поражает, что весь мир не заполнен книгами, которые с презрением высмеивали бы эту жалкую жизнь, бессмысленную вселенную, жестокий и низкий род человеческий, всю эту нелепую, смехотворную канитель... Почему я не пишу эту книгу? Потому что я должен содержать семью. Это единственная причина. Быть может, так рассуждали и все другие».

«Человеческий род – сборище трусов, и я не только участвую в этой процессии, но шествую впереди со знаменем в руках».

«Только мертвые имеют свободу слова.

Только мертвым позволено говорить правду.

В Америке, как и повсюду, свобода слова для мертвых». ²³

Согласитесь, после таких откровений, сказанных писателем наедине с самим собой, трудно поверить в безмятежную солнечность его великих творений.

Как бы там ни было, спокойная уютная жизнь и заботы любимой жены позволили Марку Твену полностью посвятить себя творчеству. Один за другим выходили из-под его пера бессмертные шедевры, во многом навечно изменившие мировую литературу, но давшие самому автору лишь иллюзию устойчивого бытия. В 1876 г. вышла книга «Приключения Тома Сойера»; через шесть лет, в 1882 г., – «Принц и нищий»; через два года, в 1884 г., – «Приключения Гекльберри Финна»; через пять лет, в 1889 г., – «Янки из Коннектикута при Дворе короля Артура»; через пять лет, в 1894 г., – «Том Сойер за границей»; через два года в 1896 г. – «Том Сойер – сыщик».

Благодаря Тому Сойеру и Геку Финну Марк Твен уже при жизни стал самым знаменитым писателем Америки. Его читали, как, впрочем, и ныне читают во всех странах мира.

В 1893 г. разразился один из сильнейших в истории США экономический кризис, и Марк Твен разорился. Он мучительно искал пути к спасению из финансовой катастрофы. Именно по этой причине, в частности, им были написаны

---

²³ *Твен Марк.* Собр. соч. в 8-ми т. Т. 8. М.: Правда, 1980; в дальнейшем воспоминания и записи Марка Твена цитируются по этой книге.

две чисто коммерческие, а потому и весьма слабые повести о Томе Сойере, которыми автор пытался продолжить успех его величайших творений. Твену удалось довольно быстро погасить основную часть образовавшихся долгов, но полностью он рассчитался с кредиторами только в 1898 г.

«Приключения Тома Сойера» и «Приключения Гекльберри Финна» – книги автобиографичные, но резко отличаются друг от друга.

История Тома Сойера – это солнечные воспоминания о счастливом детстве, которым и соответствует образ главного героя повествования. «А ведь Том Сойер просто псалом, переложенный прозой, чтобы придать ему более мирскую внешность», – писал Марк Твен в конце 1880-х гг. К этому времени он уже вполне сознавал, что идиллия в Америке существовала только для мальчишек в возрасте Тома Сойера и исчезала вместе с их детством.

Первоначальный замысел книги о Гекльберри Финне, как уже говорилось выше, зародился у Твена сразу же по окончании работы над «Томом Сойером». Он даже написал около четверти книги, но отложил рукопись – не получалась.

В 1882 г., собирая материал для книги «Жизнь на Миссисипи», писатель отправился в путешествие вниз по реке. Он посетил Ганнибал, другие места своего детства и был потрясен чудовищными изменениями, произошедшими в жизни страны и в судьбах и нравах американского народа после Гражданской войны и торжества демократии. Видимо, с

этого времени и стал Твен убежденным мизантропом. Погиб мир его детства, а вместе с ним скончался и милый сорванец Том Сойер.

В новой повести идеальный мир добра и света сузился до размеров маленького плота, на котором плывут убежденный идеалист-оборвыш Гекльберри и беглый раб Джим. А реальная жизнь в ее кровавой злобе и бессмысленности то и дело норовит вломиться в их мирок и уничтожить его своей алчностью, тупостью и лицемерием.

Критики нередко пишут, что Гекльберри Финн стал центральным героем всего творчества Марка Твена, его единственным до конца положительным образом. В противовес Тому Сойеру, который в «Приключениях Гекльберри Финна» предстает перед читателем типичным порождением нового мира – наглым, самовлюбленным эгоистом, ради собственного развлечения готовым вдоволь поиздеваться над верящими ему людьми, которые долгое время находятся в смертельной опасности. Иногда Тома Сойера в данном контексте трактуют даже шире: как широко рекламируемую в мире капитала сильную особь, которая ради своих идеалов, пусть даже прекрасных, вовлекает в рискованные игрища ни в чем не повинных людей и ставит на очередной политический кон их злосчастные судьбы. В этом Том Сойер является прямым литературным предшественником и даже отцом Холдена Колфилда.

Создается впечатление, что со временем в представле-

нии Марка Твена Том Сойер и Гекльберри Финн оказались в противостоянии, как реальный хозяин судьбы и идеалист-романтик. Возможно, и так. Однако любопытно, как сложились судьбы прототипов этих героев.

По воспоминаниям писателя, мальчишки, послужившие прототипами для Тома Сойера, в действительности оказались неудачниками и ушли из жизни довольно рано.

На вопрос Редьярда Киплинга, сможет ли читатель познакомиться со взрослым Томом Сойером, Марк Твен ответил шуткой: «Я еще не решил, как поступить. Я хотел написать продолжение “Тома Сойера” в двух вариантах. В одном из них он достаивается больших почестей и попадает в конгресс, в другом я собираюсь его повесить. А друзья и враги могут выбрать конец себе по вкусу».

В «Записных книжках» 1890-х гг. Марк Твен все-таки подвел трагический итог жизни его любимых героев:

«Гек приходит домой Бог знает откуда. Ему шестьдесят лет, спятил с ума. Воображает, что он все тот же мальчишка, ищет в толпе Тома, Бекки, других. Из скитаний по свету возвращается шестидесятилетний Том, встречается с Гekom. Оба разбиты, отчаялись, жизнь не удалась. Все, что они любили, что считали прекрасным, ничего этого уже нет. Умирают». Как видим, клад, найденный друзьями в «Приключениях Тома Сойера», не помог в жизни ни тому, ни другому.

Мартин Иден

«...Вы чуть не погубили меня, желая мне добра. Да, да! Чуть не погубили мое творчество, мое будущее! Я по натуре реалист, а буржуазная культура не выносит реализма. Буржуазия труслива. Она боится жизни. И вы хотели и меня заставить бояться жизни... Пошлость есть основа буржуазной культуры, буржуазной утонченной цивилизации. А вы хотели вытравить из меня живую душу, сделать меня одним из своих...»

Мартин Иден – творец в мире корысти и наживы. Не социальный борец, не революционер, всего лишь индивидуалист и всецело поглощенный творчеством человек, преданный и растоптанный добропорядочными людьми. Он отказался от синицы в руке, но когда поймал журавля, вдруг понял, что журавль в этом мире не намного лучше, а возможно, еще хуже синицы. Герой, разочаровавшийся в победе; идеалист, убедившийся в бессмысленности идеалов в материальном мире. Вот, наверное, и есть то, что олицетворяет собой человек по имени Мартин Иден.

Этот роман – самое большое и одно из самых философски глубоких произведений Джека Лондона. Все творчество писателя есть автобиография. Но «Мартин Иден» не просто автобиография, а трагическое предсказание, исполнившееся, скорее всего, помимо воли его автора.

Джек Лондон родился 12 января 1876 г. в Сан-Франциско. Отец еще до рождения мальчика оставил семью, поэтому Джека воспитывал его отчим Джон Лондон, неутомимый труженик и вечный неудачник. Семья все время бедствовала и вынуждена была перебираться с квартиры на квартиру. Как впоследствии признавался сам писатель, все детство его преследовало чуть ли не единственное чувство – голод, голод, голод...

Естественно, чтобы выжить, мальчику пришлось пойти работать. Он разносил газеты, возил по субботам лед или помогал хозяину кегельбана. Именно тогда ему пришлось поступить работать чернорабочим на консервную фабрику.

Изнемогая от монотонного тяжелого труда, юноша в конце концов занял денег, купил себе шлюп и стал так называемым «устричным пиратом», ночами браконьерствуя в водах Сан-Францисского залива. Этот бизнес начал приносить ему хороший доход, но он не устраивал стремящегося к вольной жизни Джека. Вскоре парень нанялся матросом на парусную шхуну «Софи Сезерлэнд», которая отправлялась на полгода к берегам Японии и в Берингово море охотиться на котиков.

Вернувшись домой, молодой человек стал работать на джутовой фабрике. Все это время Лондон пытался писать. Мать посоветовала сыну принять участие в конкурсе, объявленном местной газетой «Сан-Франциско колл», и Джек за два дня написал небольшой очерк по воспоминаниям о недавнем плавании – «Тайфун у берегов Японии». Очерку

была присуждена первая премия, его опубликовали в газете 12 ноября 1893 г. Издатели, конечно, и не подозревали, что этой публикацией открывали литературный путь одному из величайших писателей Америки.

Но прежде чем Джек Лондон стал таковым, он поработал кочегаром на электростанции, побывал солдатом «армии Келли» – похода безработных на Вашингтон, скитался по стране в поисках заработка и отсидел тридцать дней в тюрьме за бродяжничество...

Удивительно, но после стольких мытарств Джек неожиданно решил поступить в Калифорнийский университет и продолжить образование! Университет он так и не окончил, но вступил там в Социалистическую рабочую партию и тогда же принял окончательное решение стать писателем.

В то время в Клондайке было обнаружено золото, и в США началась «золотая лихорадка». Разве мог Джек Лондон остаться в стороне? Он отправился на поиски счастья, сделав своим девизом слова: «Нет Бога, кроме Случая, и Удача – пророк его». Золота Джек, конечно, не нашел, но обрел гораздо большее – героев своих великих произведений! Зимой 1897/98 г. Лондон беспрерывно общался с охотниками и искателями приключений, с индейцами и золотоискателями, с бродягами и пьяницами. Их рассказы остались в памяти писателя, а затем перебрались на страницы его книг.

В январе 1899 г. в журнале «Оверленд мансли» впервые был опубликован рассказ Джека Лондона «За тех, кто в пу-

ти». Это был судьбоносный момент. Отныне его постоянно печатали сразу в нескольких периодических изданиях по всей стране. А с 1900 г. стали издавать отдельными книгами. Так состоялось признание Джека Лондона.

Помимо рассказов и очерков в кратчайшие сроки писателем были созданы роман «Дочь снегов» и потрясающая своей красотой и глубиной мысли повесть «Зов предков», которая поставила Джека Лондона в ряды лучших писателей Америки. На полученные гонорары Лондон купил парусный шлюп «Спрэй» и во время путешествия на шлюпе написал роман «Морской волк». Еще до выхода этой книги она была распродана тиражом в сорок тысяч экземпляров!

Следующий роман Джек Лондон писал несколько лет. Это был социально-утопический роман «Железная пята». Тогда же была создана повесть «Белый клык».

Гонорары писателя возрастали от книги к книге. Наконец Лондон получил возможность осуществить мечту своего детства – совершить кругосветное плавание на собственной яхте. Судно было построено по проекту самого писателя в одном из доков Сан-Франциско. «Снарк», так называли яхту, обошелся Лондону в десятки тысяч долларов. Путешествие длилось два года, а в начале его писатель создал важнейший труд своей жизни – роман «Мартин Иден». Джек Лондон работал над ним с ноября 1907 г. по вторую половину февраля 1908-го г., в общей сложности менее четырех месяцев.

Книга увидела свет в 1909 г.

Очень коротко напомним ее содержание. Молодой нищий моряк Мартин Иден волей случая вступился за студента, которого хотела избить группа подвыпивших парней. Благодарный студент пригласил спасителя к себе домой на обед, где Иден познакомился с его сестрой Руфью. Знакомство с девушкой и ее родителями Морзами стало поворотным событием в жизни молодого человека.

Мартин влюбился в Руфь, девушку высокообразованную, утонченную. Чтобы быть достойным ее, парень занялся самообразованием, а это вскоре подтолкнуло его к идее стать писателем и занять достойное место в «обществе равных возможностей». Руфь ответила Мартину взаимностью. Она вознамерилась «взять этого человека... и перекроить его по образцу людей ее круга». Таким образом девушка избрала младшего партнера в деле ее отца Чарльза Бэтлера – в детстве он остался круглым сиротой и сумел упорным трудом и самоотречением добиться положения, которое давало ему тридцать тысяч годового дохода.

Но Мартин вовсе не собирался отказывать себе во всем, чтобы в старости иметь доход, который не сможет принести ему никакой радости. Теперь он уже хотел непременно стать писателем...

И вот перед читателем постепенно развивается зрелище духовного становления талантливого человека из низов, на фоне которого все явнее и явнее вырисовывается духовное ничтожество мнимых интеллектуалов, озабоченных только

деньгами и собственным внешним лоском для окружающих.

Со временем отношения Мартина и Руфи зашли в тупик. Узколобая девица так и не смогла понять, зачем мечтать о создании каких-то там шедевров, которые никто не покупает, когда благодаря связям в высшем обществе можно просто стать чиновником и получать стабильный и хороший доход. Молодые люди расстались.

Здесь необходимо сделать маленькое отступление. Подобные события произошли с самим Джеком Лондоном. В нищей юности он был влюблен в девушку по имени Мейбл Эпплгарт, дочь преуспевающего инженера. Джек девушке тоже нравился, и она уговаривала парня пойти работать почтальоном. Однако Лондон упорно продолжал писать. И вот первый успех – его рассказ опубликовали в журнале и заплатили за него гонорар – целых семь с половиной долларов. Узнав об этом, Мейбл закатила любимому истерику: ведь почтальон зарабатывал гораздо больше! После этого молодые люди больше не встречались.

Мартин Иден добился своего и стал знаменитым писателем. Издательства безоговорочно публиковали его рукописи, на счету в банке лежали сотни тысяч долларов, пороги его дома обивали репортеры.

Но мятущаяся душа Мартина не находила в этом удовлетворения. Он вдруг потерял всякое желание писать. Его мысли были заняты одним – как понять все то, что произошло с ним, что вообще происходит с человечеством? Почему по-

лучилось так, что «он хотел взлететь в заоблачную высь, а свалился в зловонное болото»?

Внешне все выглядело нормально – его беспрерывно приглашали на обеды и ужины, с ним жаждали знакомства, на него заглядывались красивые женщины. Но душа повсюду замечала мишуру бессмысленного времяпрепровождения в мире бессмысленных людей, которые видели в нем только богача и интересовались им только ради его богатства. Даже Руфь уже готова была выйти за него замуж, чем стала Мартину откровенно противна.

И вдруг писатель сделал убийственный вывод: слава, признание в обществе стяжателей есть ничто; знаменитый человек в мире алчных ханжей – есть «призрак, выдумка черни», ибо на самом деле он мертвец! Иден заказал себе билет на пароход и где-то в океанском просторе выбросился из иллюминатора каюты.

Бессмысленный финал? Нет, просто не каждому дано понять его. Ибо чтобы понять жизнь и душу Мартина Идена, надо первоначально познать ту бездну мерзости, которую содержат в себе стяжательство, ханжество и наглый индивидуализм заправил общественной жизни. Иден вкусил запретный плод познания этого кошмара и предпочел сбежать из него... Навсегда.

22 ноября 1916 г. Джек Лондон принял смертельную дозу морфия, который принимал в дни острой боли при приступах запущенной уремии. Вряд ли это было самоубийство.

Скорее всего, измученный болью человек сделал роковую ошибку.

Сантьяго

Как гласит предание, однажды старый рыбак Сантьяго с великим трудом поймал огромную меч-рыбу у берегов Гаваны. Когда он возвращался домой, на лодку напала стая акул – их приманил запах крови, которая сочилась из плоти ста-

риковой добычи. Старик думал уже не об улове, а о том, как выжить самому. Сантьяго удалось добраться до берега, но с собой он привез только невиданно большой скелет меч-рыбы.

Об этой истории узнал живший тогда на Кубе американский писатель Эрнест Хемингуэй и был потрясен ее простотой и грандиозностью. Борьба рыбака с морской стихией стала основой для лучшего произведения Хемингуэя – повести-притчи «Старик и море», а рыбак Сантьяго оказался ее главным героем.

Эрнест Хемингуэй родился 21 июля 1899 г. в Ок-Парке, маленьком городке близ Чикаго. Отец будущего писателя, Кларенс Хемингуэй, был врачом и заядлым охотником. Так что мальчик с ранних лет был приучен к ружью и дальним походам.

Почти сразу после окончания школы Эрнест стал работать репортером в провинциальной газете «Канзас стар». В это время Америка уже вступила в Первую мировую войну, но Хемингуэя в армию не взяли по причине слабого зрения. Работа в газете познакомила писателя с преступными городскими низами – гангстерами, грабителями, спортивными жучками – и с полицией. Эрнесту открылась жизнь, где одним слишком хорошо, а другим – слишком плохо.

В репортерах Хемингуэй пробыл недолго. В апреле 1918 г. он ушел добровольцем на фронт – вначале служил в санитарных отрядах на итальянском фронте, затем перешел

в итальянские ударные части. После одного боя из Эрнеста было извлечено двести тридцать семь осколков мины, пулеметной очередью у него были повреждены ноги. Так писатель попал в миланский госпиталь. Поправившись, Хемингуэй вернулся на фронт уже лейтенантом и был назначен в пехотную ударную часть, где встретил окончание войны.

В США Эрнест некоторое время вновь поработал репортером, а затем твердо решил стать писателем.

Начинал Хемингуэй в Париже. Там в 1923 г. вышла его книжка «Три рассказа и десять стихотворений» тиражом в триста экземпляров. Только через два года писатель задумал и очень быстро написал свой первый роман «И восходит солнце» («Фиеста»), который вышел в свет осенью 1926 г. и сразу принес молодому писателю мировую известность.

Вдохновленный успехом, Хемингуэй сел за новое произведение – роман «Прощай, оружие!». В разгар работы над ним покончил с собой отец писателя.

С каждой новой книгой слава Хемингуэя возрастала. Он много путешествовал, общался с известнейшими людьми своего времени, быстро богател. Однако это не мешало писателю стремиться в самые горячие точки мира, чтобы всегда быть свидетелем важнейших событий эпохи. На материалах Испанской революции 1931–1939 гг., в которой Хемингуэй принимал самое активное участие, им в 1940 г. был создан знаменитый роман «По ком звонит колокол».

В годы Второй мировой войны Хемингуэй в качестве во-

енного корреспондента участвовал в операциях американцев на Втором фронте, в том числе в боях за Париж.

После окончания войны Эрнест Хемингуэй перебрался жить на Кубу. Там-то он и создал маленький шедевр о рыбаке Сантьяго.

В печати повесть «Старик и море» появилась в 1952 г., а через год писателю присудили за нее Пулицеровскую премию. Немалую роль сыграла повесть и в присуждении Хемингуэю Нобелевской премии 1954 г. «Старик и море» оказалось итоговым произведением великого писателя. 2 июля 1961 г. страдавший приступами тяжелой депрессии и паранойей Эрнест Хемингуэй застрелился.

Но остался старик Сантьяго, бессмертный герой хемингуэйевского гения.

Интересно определена суть повести «Старик и море» в Большом советском энциклопедическом словаре: «...перед лицом нецеленаправленной жестокости мира человек, даже проигрывая, обязан сохранять мужество и достоинство».²⁴

О существовании некоего старого моряка Сантьяго история умалчивает. Зато биографы писателя не сомневаются, что прототипами старика могли стать кубинские моряки Фернандо Мануэль Передос по прозвищу Гальего и Ансельмо Эрнандо, а также капитан личной лодки писателя Григорио Фуэнтес. Другими словами, читатель знакомится с со-

---

²⁴ Большой советский энциклопедический словарь. М., 1991.

бирательным образом моряков северного побережья острова Куба.

В критике обычно говорят о героизме старого рыбака. Но говорить, видимо, следует о естественности всего произошедшего в повести. Ради собственного выживания человек вступил в бой со стихией, после долгого мучительного сражения был побежден ею (что всегда неизбежно), но продолжил жить в ожидании и готовности к новой борьбе за жизнь.

Рассказ о победе побежденного невольно возвышает главного героя повести, а его старость, одиночество и сетование на отсутствие ученика в самые тяжкие часы борьбы делают пронзительно беззащитным в мире непостижимого, но данного нам свыше.

Холден Колфилд

Искушенный читатель будет смущен романом Джерома Дейвида Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и его главным героем. Серенькая, ничем не примечательная вещичка о подростке, запутавшемся в собственном протестном поведении, столь свойственном его возрасту и тысячекратно описанном как в научной, так и в художественной литературе. Оттого и удивительна невиданная популярность этой книги, ставшей знаменем целых поколений молодежи западной цивилизации, прежде всего американской.

Смущение это смягчится, если будет сказано, что волею судьбы именно Колфилд оказался тем литературным персонажем, который наиболее полно отразил характер многочисленных протестных молодежных движений Запада, этих крикливых и одновременно ленивых, провокационно-деятельных и одновременно заведомо безрезультатных, много и бездарно философствующих хиппи, панков, в наши дни антиглобалистов и т. п. – всего того сытенького и самодовольненького, во что вылился к концу XX столетия так называемый нигилизм.

В гораздо большей степени роман «Над пропастью во ржи» интересен нам тем, что этим произведением Сэлинджер, помимо собственной воли, вступил от имени западной литературы практицизма в диалог с великой духовной лите-

ратурой России в лице Ф.М. Достоевского и М.Е. Салтыкова-Щедрина. Поясним данную мысль на языке литературных героев: Холден Колфилд, младший брат Антигоны, вялым бурчанием и бессмысленными, размытыми идеалами представляет собой концентрированный протест обеспеченных, но неудовлетворенных своей сытостью слоев буржуазной молодежи, то и дело пытающихся восстать против собственных благодетелей, а заодно и вселенских монстров современности – Иудушки Головлева и Фомы Фомича Опискина. Так в литературе выразилась главная трагедия нашей действительности – всесильным лже-пророкам западный мир оказался в состоянии противопоставить только лже-бунтаря, при этом идеализировав его до гипертрофированных размеров чудовища. Недаром авторы «Энциклопедии литературных героев» увидели «реинкарнации» Холдена Колфилда «в блаженных бунтарях-битниках середины 50-х (романы Джека Керуака), в скандальных инсургентах²⁵ эпохи рок-н-ролла (вроде Джима Моррисона), в кинематографических “бунтарях без цели”, “беспечных ездовых” и “полуночных ковбоях” 60-х».²⁶

Любопытный факт. Признанный невменяемым Марк Чепмэн, убийца солиста группы «Битлз» Джона Ленона, воображал себя Холденом Колфилдом и убил певца от имени сэлинджеровского героя. Во время ареста он спокойно читал

---

²⁵ Инсургенты – вооруженные отряды гражданского населения, противостоящие властям.

²⁶ Энциклопедия литературных героев. – М.: Аграф, 1997.

«Над пропастью во ржи», а на суде отвечал на все вопросы только цитатами из этого романа.

Несколько слов об авторе произведения.

Джером Дейвид²⁷ родился 1 января 1919 г. в Нью-Йорке на Манхэттене в семье торговца копченостями. Отец его был евреем, мать – ирландка-католичка, в силу сложившихся обстоятельств выдававшая себя за еврейку.

Мальчик учился в трех колледжах, но ни одного не закончил. В конце концов родители отдали его в Пенсильванскую военную школу. Именно там молодой человек начал литературную деятельность. Первое его произведение – рассказ «Подростки» («Молодые люди») – было опубликовано в 1940 г. в журнале «Стори».

В 1942 г. Джерома Дейвида призвали в армию. В составе 12-го пехотного полка 4-й дивизии он участвовал в открытии Второго фронта и был десантирован на побережье Нормандии. Боевые действия Дейвид переносил с трудом. Редчайший случай на войне: в 1945 г. писатель попал в военный госпиталь с диагнозом «нервный срыв»!

По окончании войны Сэлинджер некоторое время работал в американской контрразведке и занимался проведением денацификации Германии. Однажды он арестовал молодую активистку нацистской партии, влюбился в нее и женился. Звали девушку Сильвией.

---

²⁷ Согласно американской традиции, писателя сокращенно зовут по инициалам – Джей-Ди или одним словом – Сэлинджер.

Молодожены приехали в Штаты и поселились в доме родителей Джерома. Брак этот вскоре распался – Сильвия оказалась патологической антисемиткой и не смогла перебороть в себе чувство расовой ненависти. Однако именно период совместной жизни с Сильвией оказался самым плодотворным в жизни Сэлинджера-писателя – тогда он не только опубликовал многие свои рассказы, но и приступил к созданию романа «Ловец во ржи» (в русском переводе «Над пропастью во ржи»). Работа продолжалась шесть лет. Роман увидел свет 16 июля 1951 г.

В дальнейшем ничего равного этому произведению Сэлинджер не создал. В 1965 г. в журнале «Нью-Йоркер» была опубликована его повесть «Шестнадцатый день Хэворта 1924 года», после чего писатель объявил, что прекращает творческую деятельность.

С тех пор Сэлинджер поселился в домике на опушке леса в городке Корниш, штат Нью-Гэмпшир. Согласно легенде, он по сей день практически ни с кем не общается, даже с членами своей семьи, и полностью погружен в дзэн-буддизм. Однако затворничество не помешало Сэлинджеру несколько раз жениться на восемнадцатилетних девушках и, прожив с ними по несколько лет с каждой, благополучно развестись. Так что слухи о затворничестве писателя сильно преувеличены. Материальное состояние его стабильно росло, поскольку роман «Над пропастью во ржи» со времени его первой публикации ежегодно переиздается во всем мире

средним тиражом в 1 млн экземпляров.

Холден Колфилд – герой нескольких произведений Сэлинджера. Впервые он появился в рассказе 1941 г. «Слабый бунт неподалеку от Мэдисон-авеню», а затем не раз упоминался в других рассказах писателя 1940-х гг.

Иногда романного Колфилда называют детищем военных переживаний Сэлинджера. Но было бы вернее рассматривать его в ряду тех могущественных литературных героев, которые явились неожиданно и независимо от воли автора и заставили сотворить себя таковыми, каковыми им было предназначено быть свыше.

Вряд ли Сэлинджер намеревался, скажем, вскрывать в своем романе глубинную суть «американской мечты», да и всей идеи демократии в целом. А Холден Колфилд сделал это довольно просто, в коротеньком рассуждении о спорте: «Тоже сравнили! Хорошая игра! Попадешь в ту партию, где классные игроки, – тогда ладно, куда ни шло, тут действительно игра. А если попасть на другую сторону, где одни мазилы, – какая уж тут игра? Ни черта похожего. Никакой игры не выйдет».²⁸ Парадоксально, но всего несколькими словами герой уничтожил все эти бесконечные рассуждения об обществе равных возможностей, о справедливой конкуренции, о свободе выбора, о том, что достойный всегда сумеет пробить себе дорогу в жизни...

---

²⁸ Сэлинджер Дж. Д. Над пропастью во ржи. М.: НФ «Пушкинская библиотека» и ООО «Издательство АСТ», 2004. Далее роман цитируется по этому изданию.

Любопытна эволюция критики в отношении оценки образа Колфилда. Если первоначально его называли психически ненормальным и бунтарем ради бунта, то по мере роста популярности героя он превратился в милого мальчика «как все», стал объектом исследования отдельных сторон семейной и школьной жизни в целом. Причем критикой ныне дано всестороннее обоснование неизбежности перерождения Колфилда в добропорядочного законопослушного гражданина и будущего отца семейства.

Как ни парадоксально, но все из вышеназванных оценок героя верны. Однако с одной ключевой оговоркой: Сэлинджер впервые в мировой художественной литературе вывел на всеобщее обозрение один из самых жутких и невероятно актуальный для нашего времени образ человека-козла, предназначенного хозяевами жизни для привода бараньих стад на человеческую скотобойню; ту самую «подсадную утку», которая призвана показной кипучей энергией и пламенными речами завлекать в ловушку истребления (физического ли, общественного ли или нравственного – не суть важно!) тех наивных, для кого еще остаются не пустыми словами совесть, долг, благородство, честь.

Любопытен и тот, кто, по идее автора, должен наставить подростка на путь истинный. Именно он, обращаясь к Холдену, дает мальчику центральную установку на благополучную жизнь, к коей надо стремиться любому уважающему себя человеку. Сославшись на некоего психоаналитика Виль-

гельма Штекеля, он озвучивает самый популярный в наши дни тезис интеллигентской «элиты»: «Признак незрелости человека – то, что он хочет благородно умереть за правое дело, а признак зрелости – то, что он хочет смиренно жить ради правого дела».

На поверхностный взгляд весьма толково, если не знать мировой истории, весь опыт которой показывает, что названные здесь признаки «зрелости» человека характерны только для издыхающего общества, а признаки его «незрелости» всегда были основой роста, развития и совершенствования нашей жизни. Поучая подростка, автор-мудрец обосновывает право обывателя на неподвиг, чем открыто перечеркивает собственное право на существование и фактически провозглашает историческое право развивающихся «незрелых» народов на его уничтожение. Бесспорно, никто никого не понуждает становиться героем ради правого дела, но и провозглашать обывательскую трусость и стремление отсидеться в кустах неким благородным разумным делом, равняя таким образом обывателя с героем, глубоко безнравственно.

Подвох этот чувствует и Холден Колфилд, отрекающийся от учителя, но уводящий своих почитателей на еще более страшные зыбучие пески эффектных и пустопорожних философствований: «Понимаешь, я себе представил, как маленькие ребятишки играют вечером на огромном поле, во ржи. Тысячи малышей, и кругом – ни души, ни одного взрослого, кроме меня. А я стою на самом краю скалы, над про-

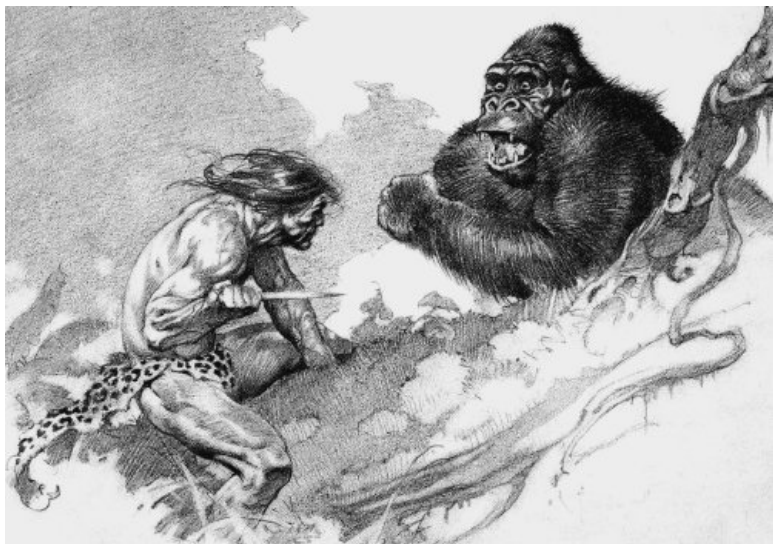
пастью, понимаешь? И мое дело – ловить ребяташек, чтобы они не сорвались в пропасть. Понимаешь, они играют и не видят, куда бегут, а тут я подбегаю и ловлю их, чтобы они не сорвались. Вот и вся моя работа. Стеречь ребят над пропастью во ржи. Знаю, это глупости, но это единственное, чего мне хочется по-настоящему. Наверно, я дурак».

Вот она, красочная квинтэссенция призывов козла-манка для доверчивого стада – идемте вместе творить подвиг ловца во ржи, когда ржи нет, да и спасти некого... Как будет дерзко! Как будет весело!

И все-таки один раз Холден Колфилд саморазоблачается, но делает это, как и положено лже-бунтарю, столь фальшиво, что его правда неизбежно мимикрирует либо под подростковое кокетство, либо под глупый мальчишеский пафос. Он говорит: «В общем, я рад, что изобрели атомную бомбу. Если когда-нибудь начнется война, я усядусь прямо на эту бомбу. Добровольно сяду, честное благородное слово!»

Не сядет. А вот других уже давно сажает и еще долго будет творить свое черное дело.

Тарзан

– Хотелось бы мне спросить вас, если позволите: каким образом, черт возьми, вы попали в те далекие страшные джунгли?

– Я там родился, – спокойно ответил Тарзан. – Моя мать была обезьяна и, само собой разумеется, не могла мне много об этом рассказать. Отца своего я никогда не знал.²⁹

И младенцу ясно, что идею первого романа о Тарзане Берроуз слямзил у Редьярда Киплинга. Но если прежде подоб-

²⁹ Берроуз Э. Тарзан из племени обезьян. М., 1991.

ное могло рассматриваться как чудовищное преступление, то для эпохи массовой культуры, одним из отцов-основателей которой считается Берроуз, подобное является само собой разумеющимся. С таким же успехом позже, в начале 1920-х гг., русский и советский классик Алексей Николаевич Толстой воспользовался сюжетом берроузовской «Принцессы Марса» и создал великолепную «Аэлиду».

Впрочем, отличие Берроуза от Толстого заключается именно в том, что Толстой, подобно Шекспиру, использовал сюжет слабенького произведения и создал шедевр, а Берроуз воспользовался гениальным творением всеми любимого Киплинга и сотворил дешевую, не имеющую никакого отношения к художественности поделку для невзыскательного читателя. Изощряясь в потугах быть не похожим на Киплинга и в угоду публике, фантаст перенес действие в Африку, приемной родительницей Тарзана сделал антропоидную обезьяну, а самого Тарзана представил высокородным наследником несметных богатств.

Но об этом позже. А сейчас о создателе столь любимого ныне героя.

Эдгар Райс Берроуз родился 1 сентября 1875 г. в семье процветающего бизнесмена – отец его занимался винокурением и производством гальванических элементов. По окончании школы Эдгар поступил в Мичиганскую военную академию.

Поступив в 1896 г. на военную службу – Берроуза напра-

вили в 7-й кавалерийский полк, – он постарался поскорее избавиться от военных погон и пристроился... пастухом коров! Другими словами, стал ковбоем. Вообще в молодости Берроуз перепробовал множество специальностей, и ни одна не пришлась ему по душе. Было ясно, что он полнейший неудачник в этой жизни.

Он женился, родились двое детей, а их папаша все еще неприкаянно блуждал по белу свету. И вот наступил 1911 г. Берроузу исполнилось тридцать пять лет! Он попытался открыть собственное предприятие и вновь неудачно. Однажды вечером бедняга сидел в своем пустом офисе и не знал, как явиться на глаза ожидающей его семье. И вдруг Берроуз взял в руки простой карандаш, бухгалтерский бланк и начал писать на его обратной стороне фантастический роман.³⁰ Так гласит предание.

Роман был о человеке, которого неизвестно как забросило на Марс. Берроуз направил его в журнал «All Story». Каково же было удивление писателя, когда ему сразу же заплатили огромный гонорар и опубликовали его первое произведение сразу в шести номерах престижнейшего издания. А дальше был триумф!

Убежденный приверженец идей Чарлза Дарвина, Берроуз задумал написать книгу о бесконечной приспособляемости человека к окружающему миру. Так в 1912 г. появился его второй роман – «Тарзан». Апологеты Берроуза по сей день

---

³⁰ Впоследствии роман получил название «Принцесса Марса».

стараются доказать, что Тарзан не имеет никакого отношения к Маугли, но исходная идея обеих книг столь велика, что дискуссии на тему их несхожести и приоритета в ней Киплинга бессмысленны.

«Тарзан» был опубликован в октябрьском номере 1912 г. журнала «All story», и началась его бесконечная героическая эпопея.

В отличие от своих предшественников Берроуз даже не пытался сделать хотя бы вид, что его книги несут какую-либо философскую или социальную идею. Он откровенно писал чисто развлекательные книги, чем и закладывал основы масскультуры – культуры пустопорожней развлекаловки. Это обычно и ставят ему в заслугу.

Таким же развлекательным чтивом стал «Тарзан». Даже издатели журнала «All Story» постеснялись опубликовать продолжение «Тарзана» – роман «Возвращение Тарзана». Зато нашлось издательство, которое было готово издавать берроузовскую стряпню. В 1914 г. вышла первая книга серии – «Тарзан из племени обезьян».³¹

Отныне на протяжении пятнадцати лет ежегодно выходила как минимум одна, а то и две-три новые книги Берроуза, в том числе и тома о Тарзане.

Этими книгами Берроуз закладывал основы современного книжного бизнеса – он писал быстро, писал много, непременно продолжал свои популярные сериалы и начинал сери-

---

³¹ Всего Берроузом написаны 24 романа о приключениях Тарзана.

алы новые. Художественностью слова его писания не блистали, порой, с точки зрения литературы, были даже вопиюще корявыми, но продавались неизменно хорошо и приносили баснословные прибыли.

Именно трудами Берроуза окончательно оформилось целое направление фантастической беллетристики – приключенческое. А сам Берроуз с тех пор считается одним из отцов-основателей фантастики XX в. . .

Как скверно ни были бы написаны книги о воспитаннике обезьян, но Тарзан стал одним из самых популярных героев современной массовой культуры. Ученые определяют его как самообученного и самовоспитанного человека, противостоящего ограничениям цивилизации. Для героя Берроуза звучит слишком высокопарно – протест, мятеж духа. . . Остановимся на более простом – развлекуха, не достойная глубокомысленных рассуждений.

Конан

Можно сколько угодно спорить о праве кичевых поделок на принадлежность к настоящей литературе, но отрицать факт того, что герои таких произведений нередко становятся знаковыми образами массовой культуры, бессмысленно. Протестовать против реалий глупо, а разобраться в причинах подобных явлений, пожалуй, невозможно – все происходит стихийно, помимо разумных объяснений и научных потуг истолковать случившееся постфактум. Таких героев лучше просто принимать как данность.

К их числу, бесспорно, принадлежит и современный культовый герой молодежи Конан – порождение удачливого графомана Роберта Говарда и его продолжателей. Видимо, именно в продолжателях во многом и заключается феномен Конана – первого персонажа ныне столь популярного жанра героического фэнтези (или фэнтези «меча и колдовства»).

Роберт Говард родился 24 января 1906 г. в тexasском городке Пистер. Отец его, Айзек Мордекай, был сельским доктором. Мать, Эстер Джейн Говард, была домохозяйкой; женщина властная, деспотичная, она с детских лет взяла над сыном столь великую власть, что, в конце концов, забрала его с собой в могилу.

В 1917 г. семья Говардов поселилась в городке Кросс-Плейнс, графство Каллахан, где втроем они и прожили до

конца своих дней.

Графоманить Говард начал еще в школе. Но первая публикация его произведения состоялась только в 1924 г. – в неприязнительном журнале мистики и фантастики «Weird Tales»³² был напечатан рассказ Говарда «Копье и клык».

Примерно в то же время молодой человек прочитал черстоновскую «Балладу о Белом Коне», в которой кельты, бритты и англосаксы, возглавляемые королем Альфредом, сражались против норвежцев и датчан. Человек бурной фантазии, Говард был потрясен прочитанным и задумал написать нечто подобное, но Бог обделил его талантом – затея провалилась. Правда, в ходе работы над поэмой молодой человек разработал основной способ создания миров в жанре фэнтези – «смешать столетия, но сохранить единство».

Отныне Говард вплотную взялся за изучение кельтской истории и легенд. Насколько толково он подошел к данному вопросу, судить сложно: если почитать его переписку с Филлипсом Лавкрафтом, то окажется, что это были два амбициозных дилетанта, намеревавшихся на основании поверхностных, несистематизированных знаний создавать целые учения и разрабатывать глобальные научные концепции.

Серьезные издатели не принимали Говарда всерьез, но многочисленные публикации в дешевой, безразличной к художественному слову прессе сделали его к концу 1920-х гг. известным в среде неприязнительных читателей вестернов,

---

³² Сверхъестественные истории (англ.).

приключенческих рассказов и спортивных историй.

В 1930 г. Роберт Говард впервые написал письмо Говарду Лавкрафту, писателю, которого любил и которым восторгался. Лавкрафт ответил. Началась активная переписка, которую поклонники жанра фэнтези ныне объявляют классикой эпистолярного жанра. Под влиянием Лавкрафта Говард безоговорочно признал единственно полноценным не просто белого человека, а именно белого человека западноевропейского мира; все же прочие люди объявлялись им неполноценными. Теория Лавкрафта существенно отличалась от нацистской теории, торжествовавшей тогда в Германии, поскольку была сугубо пессимистической и предвещала скорый конец света.

Желая показать образец истинно полноценного человека, стоящего на много голов выше недочеловеков всех разновидностей, и тем самым помочь человечеству осмыслить, на грани какой катастрофы стоит западная цивилизация, в декабре 1932 г. Говард опубликовал в своем любимом «Weird Tales» рассказ «Феникс на мече», где впервые появился Конан из Киммерии. Так в литературе началась по сей день не прекращающаяся Гиборейская (Хайборийская) эра, в которой навечно поселился Конан-варвар. В этом мире живут и действуют люди самых различных времен, земель и народов – названия их слегка изменены, но вполне понятно, о ком идет речь. Практически все народы не западноевропейского происхождения неполноценные и садистски истребляют-

ся могучим Конаном, героем белой расы полноценных.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что переписка Говарда и Лавкрафта началась в самый разгар Великой депрессии, Конан появился на свет, когда уже мало кто надеялся на возможность спасения западной цивилизации от неминуемого краха, а конец Говарда наступил во время успешного осуществления «Нового курса» Франклина Рузвельта, в основе которого лежали прежде всего социальные гарантии обществу со стороны капитала, то есть марксистские идеи. Другими словами, в годы правления Рузвельта идеи Говарда и Лавкрафта, заложенные в образе Конана, власти были не интересны.

За пять лет в том же журнале Говард опубликовал семнадцать повестей о Конане, еще четыре написанные им повести были опубликованы после смерти автора.

Нельзя сказать, что графомания была для Говарда прибыльным ремеслом. Он в значительной мере сидел на шее у стареющих родителей. Предполагают, что Говард, как и его друг по переписке Лавкрафт, страдал сильнейшим эдиповым комплексом. Он даже не смог жениться, поскольку запретила мать. Но вот в 1935 г. Эстер Говард смертельно заболела, перенесла тяжелейшую операцию, которая не помогла – женщине становилось все хуже и хуже. Денег на ее лечение не хватало. Отец был вынужден сделать прием больных круглосуточным, но это не помогло. Жалкие гонорары сына тем более не могли помочь.

Тогда-то Говард и сказал одному из своих приятелей, что не видит смысла в собственной жизни, если матери не станет. И он решился на самоубийство. 8 июня 1936 г. Эстер Говард впала в предсмертную кому, надежды на ее выздоровление не оставалось. Утром 11 июня Роберт выстрелил себе в рот из ружья «Кольт» 38-го калибра. Ужасно, но после рокового выстрела он жил еще восемь часов! А через шесть часов после его смерти, так и не придя в сознание, умерла его мать. Отец Говарда скончался через восемь лет после сына и жены, не оставив прямых наследников.

Именно такая своевременная, если можно так сказать, смерть и отсутствие прямых наследников, помноженные на графоманскую бездарность и блистательную фантазию Говарда, стали основой его посмертного триумфа.

Вскоре после Второй мировой войны началась война холодная. И появился политический запрос на Конана. В 1951 г. литературный агент покойного Роберта Говарда передал ящик с его набросками и рукописями талантливому фантасту Лайону Спрэг де Кампу, который дописал и переработал говардовские черновики, а затем создал новые произведения о Конане. Помогал ему в этой работе Лин Картер.

Поскольку у Говарда не осталось прямых наследников, а писатель он был никудышный, не возникала проблема стилистики; постепенно сочинять книги о Конане стали все кому не лень, даже российские графоманы. Сегодня число романов про Конана уверенно подбирается к 400 наименовани-

ям, на русский язык переведено около 230 книг, равноценно нехудожественных. Не зря вся эта литературщина, включая писанину Говарда, зовется у нас «кониной».

Но кто же он такой, этот могучий варвар «героического фэнтези», предтеча героев Толкиена, Льюиса, Урсулы ле Гуин, Рожера Желязны, в какой-то мере той же Джоан Роулинг и многих-многих других?

Конан – великий герой, борец против черных магов. Это могучий мужчина двухметрового роста, с мощной мускулатурой, роскошной гривой черных волос и ледяным взглядом синих глаз. Он необычайно силен, ловок и вынослив. У Конана великолепно развит инстинкт самосохранения, он издали чувствует любую опасность, и в первую очередь опасность со стороны черной магии.

Величайший воин в истории, он и великолепный любовник, и бесстрашный и великодушный соратник.

Родился Конан во время сражения – его мать участвовала в битве и по ходу дела родила сына. Отец Конана, будучи кузнецом, выковал сыну первый меч. Детство и юность героя прошли в постоянных междоусобных войнах. День своего пятнадцатилетия Конан провел в жуткой резне, устроенной киммерийцами аквилонским захватчиком.

Короче, воплощение силы, ума и храбрости, герой-варвар Западного мира из книги в книгу переходит для того, чтобы бить и громить недочеловеков с Востока, под которыми подразумеваются прежде всего китайцы и жители бывшего

СССР, в первую очередь России.

Лолита

Сколько бы ни внушали нам, что Владимир Набоков – выдающийся стилист, все равно он остался в истории литературы всего лишь добротным писателем. Более того, его можно назвать Раскольниковым в литературном мире, в вопросе «тварь ли я дрожащая или право имею» избравшим гордыню права и не удостоенным свыше своей Сонечки Мармеладовой. Гордыня низвергла Набокова как человека и сделала его, пожалуй, ярчайшим наглядным примером главной идеи этой книги о том, что литературный герой не является порождением писателя, но писатель является тем посредником, с помощью которого литературный герой обосновывается в мире людей. Все зависит от того, что представляет собою писатель как человек. Потому нам и интересно, каков был жизненный путь творца, приведший его к тому или иному герою литературы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.